

БИБЛИОТЕКА НИКОЛАЯ СТАРИКОВА

ИСТОРИЯ БОЛЬШЕВИКОВ
в документах царской охраны

ГРАНД МАСТЕР

История большевиков в документах царской охраны

«ЭКСМО»

2017

УДК 329.15(470)
ББК 66.61(2)

История большевиков в документах царской охраны /
«Эксмо», 2017

ISBN 978-5-04-089370-6

Они взяли власть в 1917 году. Они сами отдали ее в 1991-м. Они развили страну и подняли ее на недостижимую до этого высоту. Они разрушили ее единство, потеряв то, что присоединяли к России еще Петр I и Екатерина II. Они – это партия большевиков. Провокаторы, предатели, двойные агенты. Честные борцы за светлое будущее. Перед вами документы царской охраны, посвященные им. Донесения наружного наблюдения. Оценки филеров и шпики, написанные ими в отчетах о своей работе. Перлюстрированные письма. Партийные псевдонимы. Партия Ленина глазами тех, кто с ними боролся. Это нужно знать. Ведь сегодня идет та же самая борьба...

УДК 329.15(470)
ББК 66.61(2)

ISBN 978-5-04-089370-6

, 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Предисловие Николая Старикова	6
Предисловие к изданию 1918 года	8
Характеристика печатаемых документов	8
«Секретные сотрудники» департамента полиции и охранных отделений, работавшие в рядах РСДРП	13
Цинизм предателя	18
I	28
II	36
III	42
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Николай Стариков

История большевиков в документах царской охраны

© Предисловие, аннотация. Николай Стариков, 2017

© Издание, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2017

Предисловие Николая Старикова

Можно по-разному относиться к большевикам, к Ленину и его соратникам, но одного отрицать невозможно: они оказались способнее всех других политиков своего времени. Они сумели не только взять власть, но и удержать ее в ходе кровавой Гражданской войны. Они победили, а победителей, как известно, не судят. Победителей изучают.

Среди множества партий начала XX века, среди пестроты фамилий лозунгов и программ большевики выделяются своей целостностью, талантами и целеустремленностью.

Конечно, они были совсем разные. Кто-то, как Сталин, был верным соратником Ленина. Кто-то, как Бухарин, был «верным» до первой развилки, что случилась уже через несколько месяцев после взятия власти и называлась «Брестский мир». Кто-то, как Троцкий, стал большевиком всего лишь летом 1917 года.

Вся эта разница сказалась на истории партии и истории страны. Но позже – в 20-е и особенно в 30-е годы XX века. Но в начале века они большей частью были едины. Были споры, были «уходы» и «возвращения».

И был Ленин – фигура мирового масштаба. Политик, у которого и сегодня можно и нужно многому поучиться.

После взятия власти большевики напишут «Историю партии», которая под названием «История КПСС» будет изучаться в высших учебных заведениях вплоть до уничтожения Советского Союза. Которое было осуществлено... членами той же самой партии! Только потерявшими идею, смысл и сам дух борьбы за построение нового человеческого общества.

История партии большевиков-коммунистов, как ничто другое, показывает нам зависимость результата процесса от масштаба личности руководителя.

Были личности во главе СССР – итоги их деятельности вознесли Россию-СССР на самый верх мировой мощи и могущества. Как только вместо личностей к власти пришли мямли и предатели, вся мощь оказалась втоптана в грязь за считанные годы.

Именно поэтому историю партии большевиков нужно изучать крайне внимательно. И лучшим источником для этого является не учебник по истории ВКП(б)–КПСС, более похожий на сборник мифов Древней Греции. Самый честный источник для этого – документы врагов. Тех, кто боролся с большевиками еще в тот момент, когда они были относительно небольшой политической группой, чья деятельность подрывала устои Российской империи.

Перед вами документы царской охраны. Бывшего Московского охранного отделения. Провокаторы, предатели, двойные агенты. Честные борцы за светлое будущее. Донесения наружного наблюдения. Оценки филеров и шпики, написанные им в отчетах о своей работе. Перлюстрированные письма. Партийные псевдонимы.

После февральского государственного переворота в марте 1917 года революционеры бросились в архивы Охранного отделения. Кто почитать и ознакомиться, а кто и для того, чтобы немедленно уничтожить компрометирующие документы. В тот момент в Московском охранном отделении было выявлено 116 осведомителей, постоянно работающих во всех революционных организациях России. С теми, кто лишь периодически помогал властям информацией, – около 400. Наиболее известным провокатором был любимец Ленина, депутат Госдумы Родион Малиновский. Вскрытие фактов работы на охранку поставило Ильича в крайне щекотливое положение, но он нашел с присущей ему находчивостью прекрасный выход. Да, провокаторы есть, но, даже работая на полицию, они работают и на революцию, а потому все равно приносят пользу.

Услуги предателей щедро оплачивались охранкой. Малиновский получал в месяц вознаграждение, равное зарплате тогдашнего губернатора (500 рублей) – огромные по тем временам деньги.

Парадокс – успехи большевиков в удержании власти во многом обусловлены тем, что они прекрасно знали, как власть захватывается. Это в мировой революции они были теоретиками, а в деле захвата властных полномочий они были практиками. И власть у них никто не сумел перехватить.

До тех пор, пока верхушка партии большевиков не переродилась и не перестала понимать ценность страны, идеологии и своей собственной истории.

И это урок для нас всех.

Николай Стариков

Предисловие к изданию 1918 года

Характеристика печатаемых документов

Ни одна из «нелегальных» революционных организаций, ставивших своей целью ниспровержение существовавшего в России до марта 1917 г. политического строя, не вышла из «подполья» на арену открытой политической борьбы с таким шумом, с каким появились социал-демократы – большевики.

Торжественный приезд лидера большевиков Ленина 4 апреля 1917 г. в Петроград через Германию в «запломбированном» вагоне вызвал великую смуту в умах российских граждан, возбудив бесконечные толки на всякого рода собраниях, митингах и в газетах. О большевиках, мало кому дотоле известных, заговорили миллионы...

Что такое большевики как «деятели настоящего» теперь знает вся Россия, но кто они были вчера, каково их прошлое, известно лишь сравнительно небольшому кругу старых партийных эсдеков, а между тем узнать об их деятельности в «подполье» очень трудно, так как книг по истории большевизма на книжном рынке, можно сказать, совершенно нет. Печатаемые нами документы б. Моск. Охр. Отд., конечно, не представляют собой такой истории, это скорее «летопись» важнейших событий за тринадцать лет (1903–1916 гг.) существования этой фракции РСДРП.

Критически рассмотреть, насколько правдивы «сказания» этой летописи, – задача будущих историков русской социал-демократии, мы же здесь считаем нужным остановиться на истории происхождения печатаемых документов и на самих «летописцах».

По своему происхождению нижепомещаемые документы делятся на четыре группы: во-первых, «агентурные записки», представляющие собою или запись свиданий, полученных во время свидания жандармского офицера с одним из «секретных сотрудников», или письменное сообщение самого сотрудника; во-вторых, «записки», составлявшиеся в Моск. охранном отделении для Деп. Пол. на основании ряда «агентурных записок» и представляющие собой критическую их сводку; в-третьих, циркуляры Деп. Пол., составлявшиеся на основании указанных материалов, и, наконец, «обзоры», писавшиеся в Деп. Пол. главным образом на основании циркуляров и отчасти партийной литературы.

Характеристику всех этих документов мы и начнем с «простейшего» вида – «агентурных записок». Как мы уже сказали, это запись свиданий, полученных в результате «беседы» с «секретным сотрудником» жандармского офицера, который с ним «работал». «Секретными сотрудниками», или «агентами внутреннего наблюдения», по официальному определению, являлись «лица, состоящие членами преступных сообществ и входящие в постоянный состав секретной агентуры» розыскных органов. Приобретению таких лиц охранниками придавалось огромное значение, так как «единственным, вполне надежным средством, обеспечивающим осведомленность розыскного органа, является внутренняя секретная агентура», «секретного сотрудника, находящегося в революционной среде или другом обследуемом сообществе, никто и ничто заменить не может», говорит «Инструкция по организациям и ведению внутренней агентуры, составленная при Московском Охранном Отделении»¹.

Насколько были основательны требования, предъявлявшиеся к секретным сотрудникам со стороны охранников, показывает следующее место этой же инструкции: «К числу

¹ В извлечениях эта «Инструкция» напечатана в статье В. Б. Жилинского «Организация и жизнь Охранного Отделения» в журн. «Голос Минувшего» (1917. № . 9–10).

вопросов, по ответам на которые можно судить о степени партийной осведомленности нового сотрудника, относятся следующие: 1) В чем заключается программа той партии, в которую он входит и о которой он будет давать сведения? 2) Как сформирована местная организация и из каких отделов она состоит? 3) Какая литература этой партии распространяется в данное время? 4) Кто был арестован из членов этой партии и кто оставался на свободе?»

Это, так сказать, краткая программа приемного экзамена, вообще же «главные вопросы, на которые сотрудник должен всегда стремиться иметь обстоятельные ответы, следующие:

1) Какие лица являются самыми серьезными, активными и интересными работниками данного момента в обслуживаемой сотрудником организации или партии, где с ними можно встретиться и как, не возбуждая их подозрений, учредить за ними наблюдение.

2) Как построена обслуживаемая сотрудником организация и партия вообще, начиная с «верхов» и кончая «низами»; каким организациям высшего порядка она подчинена, на какие низшие группы и ячейки она распадается и с какими партийными учреждениями находится в непосредственных отношениях.

3) Какие образцы партийной литературы известны сотруднику: издания повременные и периодические, революционно-подпольные и легальные, заграничные, местные и из других районов Империи; что составляет злобу дня и о чем вообще говорится в партийной литературе (легальной и нелегальной) данного момента.

4) Положение партии и партийных организаций в настоящее время; к чему сводится активная работа данного момента.

5) В чем может и должна в обследуемый период непосредственно проявиться преступная деятельность отдельных лиц, групп и организаций; особое внимание должно быть обращено на готовящиеся террористические акты, экспроприации, забастовочное движение и массовые выступления вообще; сведения о них, в видах их предупреждения, должны быть заблаговременно сообщаемы, даже в форме маловероятных и непроверенных слухов.

6) Кто из партийных и вообще интересных для розыска лиц приехал или выехал; когда, куда, с какою целью, на какой срок и по каким явкам и адресам, место их ночевки, свиданий и т. д.

7) Какие сотруднику известны организации и группы, а равно и представители таковых среди учащейся молодежи высших, средних и низших учебных заведений; каков характер этих учреждений (академический или с примесью политических тенденций); не имеют ли эти организации непосредственных сношений с чисто революционной активной средой и не готовятся ли к каким-либо самостоятельным или в связи с последней выступлениям и действиям.

8) Какие имеются у сотрудника сведения о деятельности других партий (революционных, оппозиционных и крайних правых) и лиц, принадлежащих к таковым.

9) Кого из вообще неблагонадежных лиц знает и может указать сотрудник.

10) Кто в настоящее время подозревается или обвиняется партийной средой в сношениях с розыскным органом и чем эти подозрения или обвинения вызваны.

11) Что известно сотруднику о предполагаемом употреблении и местах хранения кассы, библиотеки, паспортов, разрывных снарядов, взрывчатых и ядовитых веществ, оружия, огнестрельных и боевых припасов, кинжалов, финских ножей, кастетов и т. п.

12) Каково настроение и к чему стремится в данный момент не революционная, но соприкасающаяся с ним среда.

13) Какие имеются у сотрудника случайные сведения о деятельности и замыслах преступного элемента общеуголовного порядка: возможные грабежи, убийства, разбои и т. д.

14) Все сведения, добытые и сообщаемые сотрудником, должны строго распределяться по следующим категориям: а) что известно ему, как очевидцу, и что носит вполне достовер-

ный характер; б) что известно от лиц определенно партийных и заслуживающих в своих сообщениях доверия; в) что почерпнуто из литературы и г) что носит предположительный характер и стало известно из случайных разговоров, по непроверенным слухам и от мало осведомленных лиц и источников.

15) На всех указываемых сотрудником лиц, по мере возможности, должны быть даны следующие сведения: а) имя, отчество, фамилия и партийная кличка или прозвище; б) место жительства, род и место занятий или службы; в) приметы: возраст (от 33 до 35, примерно); рост (высокий, выше среднего, средний, ниже среднего, низкий); телосложение (полный, плотный, среднее, худощавый); наружность и ее особенности (видный, представительный, невзрачный, сутуловатый, безрукий, горбатый, косой, знаки, порезы и следы ран на лице и теле вообще); лицо (продолговатое, круглое, заостренное вверх или вниз, полное, худощавое, с выдающимися скулами, бледное, смуглое, румяное); цвет, размеры и форма волос на голове, бороде и усах (светло-русый, темно-русый, брюнет, рыжий, черный, как жук, длинные волосы зачесаны вверх, назад, с пробором, бобриком; борода брита, подстрижена, клинышком, лопатой, окладистая); походка (быстрая, медленная, «семенит», с подпрыгиванием); манера говорить (тенорком, отрывисто, шепелявя, с инородческим акцентом, картавя); тип (русский, поляк, кавказец, европейский; рабочий, приказчик, купец); костюм (подробное описание головного убора, верхнего и нижнего платья, обуви); носит ли очки, пенсне, трость, портфель; привычки (вертляв, осторожен, оглядывается и проверяет себя, относится ко всему безразлично); г) с кем встречается и где чаще всего бывает; д) настоящая и прошедшая роль в организации или преступная деятельность указываемого лица вообще (подробно и без совершенно недопустимых, лаконических определений: «агитатор», «видный работник»).

16) Образцы попадающей в руки сотрудника партийной переписки и нелегальной литературы должны быть доставляемы им руководящему его лицу обязательно; экземпляры легальных партийных изданий – по мере надобности.

17) За две недели перед 9 января, 19 февраля, 18 апреля – 1 мая и другими, отмеченными постоянными революционными выступлениями, днями все сотрудники должны стремиться заблаговременно собирать полные сведения о предположенных и готовящихся беспорядках, а заведующий агентурой в подобные периоды обязан иметь свидания с сотрудниками, по возможности ежедневно.

Помимо всего этого, «вновь принятого сотрудника следует с полной осторожностью, незаметно для него, основательно выверить опытным наружным наблюдением и постараться поставить его под перекрестную агентуру».

В другом месте (п. 15-й) «Инструкция» грозит:

«Ложное заявление, искажение в ту или иную сторону добываемых сотрудником сведений и умышленное создание обстановки преступления в видах получения вознаграждения, из мести или по иным соображениям личного характера, – является тяжким преступлением и наказывается на общем основании согласно существующих на сей предмет законов».

Сравнивая эти требования теории розыска с практическим их выполнением – «агентурными записками», мы должны признать, что последние в отношении полноты не всегда стоят на высоте первых. Ведь только сыщик по призванию, относящийся к своим обязанностям с исключительным рвением, мог выполнить все эти требования, а таких, надо думать, было все же меньшинство.

Вообще же систематичность свиданий жандармов с сотрудниками, возможность с их стороны поставить «осведомителей» под перекрестную агентуру, таким образом изобличить их во лжи», о чем последние, конечно, или определенно знали, или догадывались, придают «агентурным запискам» большую степень достоверности, во всяком случае, не меньшую, чем обычные свидетельские показания на следствии или на суде. Конечно, ценность «аген-

турных записок» прямо пропорциональна тому положению в партийной работе, какое занимал сотрудник охранки; чем крупнее положение, занимаемое им в партийной организации, тем ценнее даваемые им сведения, тем он желательнее для охранников. «Один сотрудник в центре стоит нескольких, находящихся на периферии», – записывает в одной из своих черновых заметок б. нач. М. Ох. Отд. Мартынов. И старания охранников приобрести агентуру среди «центровиков» не оставались бесплодными: в последние годы своего существования Департ. Пол. в «центрах» соц.-демократической партии имел «своих» людей, осведомленность которых в партийных делах отрицать невозможно.

Таковы основания, заставляющие нас считать «агентурные записки» ценным материалом для истории партии. Среди публикуемых документов «агентурных записок», т. е. записей «бесед» жанд. офицеров с сотрудниками, лишь две (см. с. 184–185 – сообщение Ив. Гр. Кривова и с. 228–229 – сообщение А. К. Маракушева)². Зато очень много места отведено «запискам» М. И. Бряндинского, представляющим собою не запись бесед, а личные его донесения (тоже переписанные на машинке). Владея пером, этот вполне интеллигентный (по профессии учитель) осведомитель относился к принятым на себя обязанностям с исключительной «добросовестностью». Некоторые его донесения, в сущности, даже выходят из рамок обычных агентурных доносов, всегда «освещающих» лишь деятельность организаций и лиц и оставляющих в стороне идеологию. Не то в «записках» Бряндинского. Следя за соц.-дем. литературой и вращаясь в кругах, близких к «верхам» партии, этот «писатель» в своих характеристиках момента определенно обнаруживает интерес к идеологической стороне описываемых событий, никогда не забывая интересов сыска. В этом особенность его донесений, которые сразу отличишь от других. Мы едва ли ошибемся, если ему отдадим пальму первенства в деле ознакомления охранников с работой большевиков и подполье.

Вторая группа публикуемых документов – посылавшиеся в Департ. Пол. начальником Моск. Ох. Отд. отчеты о деятельности вверенного ему учреждения. По сравнению с охарактеризованными «агентурными записками» отчеты эти представляют собою высшую форму осведомления, будучи, с одной стороны, разработкой данных многих «агентурных записок» («перекрестная агентура»), с другой – давая материал, почерпнутый из перлюстрации писем, показаний филеров, обысков, показаний арестованных и т. п. Прекрасным образцом такой записки-отчета может служить донесение нач. МОО от 11 января 1912 г. (см. с. 139–149), в котором Заварзин, можно сказать, рисуется перед начальством широтой и глубиной своей осведомленности (шутка сказать – «скрестились указания пяти сотрудникам»!).

Сведения, даваемые циркулярами Деп. Пол., – третья группа печатаемых материалов – основываются, во-первых, на показаниях, полученных от секретных сотрудников, «работавших» непосредственно с Департ. Полиции (это, конечно, наиболее крупные осведомители), во-вторых, на материале, полученном Деп-том Пол. от начальников охран. отделений и губерн. жанд. управлений всей России. Будучи по своему содержанию общероссийскими, циркуляры дают картину деятельности соц.-демократов в соответствующем масштабе и поэтому главное внимание уделяют центральным учреждениям партии.

Но циркуляры ДП еще не высшая форма обобщения, до которого дошли департаментские чиновники. В целях уже не столько розыскных, сколько осведомительных (или даже «образовательных»), в Деп. Пол. составлялись «обзоры» партий, в частности социал-демократической. В нашем распоряжении имеются два таких «обзора»: первый, составленный в 1909 г., представляет собой краткий очерк истории РСДРП со времени ее зарождения до

² Запись получаемых во время свидания на конспиративной квартире от сотрудника сведений производилась жандармом. Офицером, надо полагать, тут же. Из этих первоначальных записей в делах б. МОО пока не найдено ни одной, имеющейся же «агентурные записки», подшитые в хронологическом порядке их становления, напечатаны на пишущей машинке. К этому нужно добавить, что «агентурные записки» за январь и февраль 1917 г., а также за 1916 г. сохранились в ничтожном количестве. Почти все делопроизводство по «агентурному отделу» за это время было уничтожено охранниками.

1909 г.; второй, датированный 7 августа 1916 г., носит название «Обзор деятельности РСДРП за время с начала войны России с Австро-Венгрией и Германией по июль 1916 г.».

Так как ни «агентурных записок», ни более или менее подобранных циркуляров ДП по РСДРП до 1909 г. в нашем распоряжении не имеется, то мы и помещаем в начале книги (первые две главы) большую часть первого «Обзора», охватывающую период времени с 1903 г., когда родилось течение в русской соц.-демократии, именуемое «большевизмом», по 1908 г. Интересно отметить, что страницы «Обзора», посвященные II партийному съезду, составлены департаментским обозревателем явно «по Батурину», в чем убедится всякий, сравнив с. 94–111 брошюры Н. Батурина «Очерк истории соц.-демократии в России» (М., 1906) и с. 50–55 нашей книги. Оставленный своим поводом (у Батурина изложение доведено, кончая II съездом), автор «Обзора» уже ничего не может сказать «от себя» и ограничивается одними лишь резолюциями съездов и конференций.

В противоположность первому «Обзору» второй составлен лицом, очень недурно знакомым с партийной литературой и, в общем, удовлетворительно справившимся со своей задачей.

Все пояснения, делаемые нами к печатаемым документам, взяты в прямые [] скобки; напечатанное в круглых () скобках стоит в скобках и в оригинале.

«Секретные сотрудники» департамента полиции и охранных отделений, работавшие в рядах РСДРП

Дать исчерпывающего списка «секретных сотрудников» Деп. Пол. и Охранных Отделений, работавших в партии соц.-демократов, пока нельзя, так как разработку имеющихся по этому вопросу материалов нельзя считать законченной. Здесь мы даем справки лишь о тех «агентах внутреннего наблюдения», которые упоминаются в этой книге.

Таковых 12 человек: М. И. Бряндинский, Я. А. Житомирский, И. Г. Кривов, А. И. Лобов, Р. В. Малиновский, А. К. Маракушев, А. А. Поляков, А. С. Романов, П. П. Сесицкий, М. Е. Черномазов, В. Е. Шурканов и не раскрытый пока, носивший партийную кличку Василий.

Из этих лиц, несомненно, самым видным членом соц.-дем. партии был Роман Вацлавович Малиновский.

Имеющиеся в нашем распоряжении сведения о нем – это, во-первых, некоторые данные, опубликованные в газетах «День» (№ от 16 июня 1917 г.) и «Русское слово» (№ от 19 мая 1917 г.), из материала, добытого Верховной следственной комиссией, учрежденной при министре юстиции А. Ф. Керенском, и, во-вторых, материалы, имеющиеся в архиве б. Моск. Охр. Отд. На основании этих данных о деятельности Малиновского, как социал-демократа и секретного сотрудника сначала московской охраны, потом Департамента Полиции, мы можем составить довольно полное представление.

По справкам о судимости, издававшимся министерством юстиции, Р. В. Малиновский (р. в 1876 г., см. справку в конце книги) был неоднократно судим за кражи, даже со взломом. Около 1901–1902 гг. он стал сблизиться с социал-демократическими рабочими кругами, имея связи с «пепезовцами», а позднее был деятельным членом комиссии по рабочим вопросам при соц.-дем. фракции III Гос. Думы; в 1906–1910 гг. состоял одно время секретарем союза рабочих по металлу. К этому же времени относится его первое знакомство, с одной стороны, с кругами, близкими к Ленину, а с другой – с московской охранкой, секретным сотрудником которой он делается в 1910 г. 13 мая этого года Малиновский по очередной ликвидации эсдеков арестовывается в Москве на улице и на допросе заявляет жандармскому офицеру Иванову о своем желании переговорить откровенно с начальником Охр. Отд. Заварзиным. Освобожденный 23 мая, Малиновский вступает в агенты охраны. Первое его донесение в качестве такового помечено 5 июля 1910 г. В это время он, как эсдек, – меньшевик-ликвидатор (сообщение секр. сотр. Моск. Охр. Отд. «Нины» (нераскрыто) от 26 мая 1910 г.), но «постепенно, после самых серьезных размышлений и наблюдений», как он говорил Ленину в январе 1912 г., переходит к большевизму. Одновременно с этой эволюцией продвигает он хорошую карьеру и в Охранном Отделении, где его очень ценят, постепенно увеличивая жалованье, первоначальный размер коего не превышал 50 рублей в месяц. До 1912 г. всего «агентурных записок», «освещающих» деятельность московских соц.-демократов и составленных в результате его «бесед» с охранниками, в архиве б. МОО имеется 57. За это же время Малиновский три раза арестовывался и обыскивался, но за безрезультатностью всякий раз освобождался без каких-либо последствий (см. справку в конце книги).

Со времени поездки в январе 1912 г. на Пражскую конференцию ленинцев Малиновский становится в ряды наиболее видных большевиков. На этой конференции он произвел очень хорошее впечатление на Ленина, был избран в Центральный Комитет партии и назначен кандидатом от рабочих Московской губ. в IV Госуд. Думу.

По приезде с конференции в Москву «стремится, сообщает 16 сент. Охр. Отделению сотрудник «Сидор» (А. А. Поляков), выставить свою кандидатуру по рабочей курии от губернии, и есть основание полагать, что он легко проведет ее, как имеющий популярность в рабочей среде». Через день сам Малиновский (в качестве сотрудника «Портного») сообщает:

«Его кандидатуру в Гос. Думу московский соц.-дем. избирательный комитет определенно решил поддерживать». 20 сентября он же о себе: «Им собрано 20 р. денег на командировку своих агентов по губернии для агитации среди рабочих о голосовании за него при выборах в Г. Д.». 30 сентября он же сообщает охранникам, что избран выборщиком на губернский избирательный съезд, 3 октября сотруدن. «Сидор» доносит, что Малиновским получено из-за границы и от некоторых партийных лиц около 300 р. для ведения агитации среди уполномоченных от рабочих по проведению его кандидатуры в Г. Д., и, наконец, 25 октября сотр. «Пелагея» (А. С. Романов) сообщает, что Малиновский участвовал на предвыборном совещании в д. Мазинга 24 октября, где его окончательно наметили в Гос. Думу.

Так проводили большевики Малиновского в Думу, но едва ли им удалось бы это сделать, если бы этого же не желали московская охранка и Департамент Полиции. Деятельность последних в этой кампании сводилась к уничтожению препятствий, возникавших на пути Малиновского в Таврический дворец. Первое препятствие явилось в лице мастера завода, где служил Малиновский, Моисея Кривова.

Находясь в плохих отношениях с Малиновским, Кривов грозил уволить последнего с завода и тем сделать невозможными его выборы, но вмешалось Московское Охранное Отделение, сообщившее обо всем вице-директору Виссарионову и просившее арестовать Кривова на время выборов, чтобы «не лишить Малиновского полноты присущих ему и крайне важных в данный момент прав, что приведет к нежелательному провалу в то время, как является настоятельная необходимость способствовать достижению его намерений».

Это сообщение было доложено Мин-у В. Д., и 25 апреля 1912 г. Кривов был арестован.

Вскоре, однако, появилось новое препятствие. На основании 10 ст. Полож. о выборах в Г. Д. не могут участвовать в этих выборах лица, подвергшиеся по суду наказанию за кражу, мошенничество и присвоение, причем означенное ограничение не покрывается и давностью. Между тем именно в этом отношении, как указано, в прошлом Малиновского был весьма серьезный дефект. 11 октября 1912 г. вице-директор Деп. Пол. Виссарионов представил директору Белецкому следующий рапорт: «Вследствие личного приказания имею честь представить вашему превосходительству положение о выборах в Государственную Думу и доложить, что согласно 1 п. 10 ст. известное вам лицо, как отбывшее наказание в 1902 г. за кражу со взломом из обитаемого строения, как за кражу в третий раз, по моему мнению, не может участвовать в выборах. К изложенному считаю долгом присовокупить, что вы изволили приказать доложить вам, что надлежит возбудить перед г. министром вопрос о том, следует ли ставить в известность о существующем ограничении московского губернатора, или это лицо должно пройти для него совершенно незамеченным. Вице-директор С. Виссарионов». На представлении рукою С. П. Белецкого отмечено: «... доложено г. министру в. д. 12-Х. Предоставить дело избрания его естественному ходу. С. Б.». К переписке приложен лист бумаги, на коем изложен отпуск телеграммы следующего содержания: «Шифр, Москва, начальнику охранного отделения. Вопрос об участии известного вам лица в выборах предоставьте его естественному ходу № 1254 и. д. директора Белецкий. 17-Х-12». На другом листке бумаги с оттиском штампа особого отдела «20 окт. 1912 г. вход. № 81090» изложен следующий текст: «...разбор шифрованной телеграммы из Москвы от начальника охранного отделения на имя директора Департамента Полиции. Дело предоставлено его естественному ходу. Успех обеспечен. Подполковник Мартынов». Наконец, 26 того же октября начальником Московского Охранного Отделения телеграммой донесено директору Департамента: «Исполнено успешно». Выборы Малиновского в Государственную Думу от московской рабочей курии, как оказывается, 26 октября 1912 г. прошли успешно. Жена Ленина, Надежда Константиновна Ульянова, урожденная Крупская, прислала поздравительное письмо по поводу этого успеха; в органе большевиков, петроградской «Правде», уже 3 ноября появляется горячая приветственная по его адресу статья с выра-

жением уверенности, что Малиновский, уже более 10 лет являющийся социал-демократом и пользующийся горячей любовью и уважением, своими способностями, несомненно, скоро заявит о себе по всей России; Деп. же Пол. увеличил ему жалованье, которое довел в конце концов до 500 руб. в месяц.

После избрания в Госуд. Думу Малиновский развивает чрезвычайно энергичную деятельность в трех направлениях: как член ленинского Ц. Комитета, как член Госуд. Думы и как сотрудник Департ. Полиции.

В качестве члена Ц. Комитета он присутствует на «февральском совещании» этого Комитета, происходившем на рождественских каникулах 1912–1913 гг. в Кракове (см. с. 195–199). В январе 1913 г. Малиновский приезжает в Москву для организации издания легального марксистского органа. Летом 1913 г. он снова за границей, на частном совещании лиц, пользующихся исключительным доверием Ленина (кроме самого Ленина и Малиновского тут были жена Ленина, Зиновьев и Каменев).

В представленном Малиновским в Департ. Полиции отчете об этом совещании обращает на себя особенное внимание место, где он говорит о возникших в большевистском центре подозрениях, что «вблизи думской «шестерки» есть лицо, связанное с розыскными органами Империи» (см. с. 209). Подозревать в предательстве кого-нибудь из членов самой «шестерки», и в частности Малиновского, у Ленина и его ближайших помещиков Зиновьева и Каменева, очевидно, не было и мысли, судя по тому, что и после истории с Черномазовым Малиновскому на этом совещании были даны ответственнейшие поручения, как-то: назначение двух учеников из Москвы в открывавшуюся Лениным партийную школу пропагандистов, раздобывание денег на эту школу, организация в Москве большевистской газеты, наконец, подыскание возможно большего числа лиц в качестве агентов ЦК. Интересно отметить, что в обсуждении последнего пункта участвовали лишь трое – Ленин, Зиновьев и Малиновский. Одно уже это доказывает, каким исключительным доверием пользовался у Ленина этот провокатор³.

Во исполнение данных ему поручений Малиновский в августе 1913 г. принимает деятельное участие по изданию в Москве большевистской газеты «Наш Путь», первый номер которой вышел 23 августа. 2 сентября сам Малиновский в качестве секретного сотрудника Деп. Пол. (теперь он носит кличку «Икс») сообщает начальнику Ох. Отд. Мартынову, что соц.-дем. Данский намечает его (Малиновского) издателем журнала «Вопросы страхования», а 13 сентября он же доносит Мартынову, что ездил вместе с чл. Г. Д. Петровским к Павлу Мостовенко за деньгами на партийные цели. 15 сентября Малиновский участвует на совещании видных соц.-дем-ов от редакции газеты «Наш Путь», на котором было решено вызвать стачку-протест по случаю преследования рабочей печати и для этого выпустить листовку. На другой день Малиновский уехал за границу, на совещание ленинцев, названное по конспиративным соображениям «августовским» (на этом совещании кроме Малиновского присутствовал еще провокатор А. И. Лобов).

Из постановлений этого совещания чревато последствиями было постановление по вопросу об отношении думской «шестерки» к «семерке». Совещанием было решено «идти на явный раскол» с меньшевиками в случае неудовлетворения ими требований ленинцев. По возвращении в Петербург Малиновский добился этого раскола, что повело к вмешательству в партийные дела русских соц.-дем-ов Международного Социалистического Бюро.

³ Что доверие это не разделялось многими из лиц, знавших Малиновского, видно из телеграммы эмигранта с.-д. А. А. Трояновского (о нем см. по указателю) из Лозанны, напечатанной в газете Плеханова «Единство» и перепечатанной в газ. «Русская воля» (№ 85 от 24 апреля 1917 г.): «Еще летом 1913 г. многие товарищи настаивали на выяснении поведения Малиновского. Ленин и Зиновьев отвергли это требование и взяли на себя полную ответственность. Подробности возмутительны. Необходимо расследование. Трояновский».

Служа в своей подпольной работе двум господам – Департаменту Полиции и РСДРП, – Малиновский и как член Госуд. Думы был таким же «двуликим». Верховной следственной комиссией установлено, что он произносил в Думе речи частью от себя, частью же заранее приготовленные Лениным, Зиновьевым и другими лицами. Эти заранее приготовленные речи Малиновский представлял и на просмотр вице-директору Деп. Пол. Виссарионову, делавшему свои поправки.

Из выступлений Малиновского в Думе особенно замечательны 30 октября 1913 г. и 22 апреля 1914 г. Подписавши первым запрос к министрам внутрен. дел и юстиции по вопросу о провокации соц.-дем-их депутатов 2-й Гос. Думы, Малиновский 30 окт. 1913 г. произнес горячую речь в защиту спешности этого запроса. Речь эта, вызвавшая ряд сочувственных отзывов и приветствий, напечатанных в газете «Правда», создала Малиновскому широкую популярность. 22 апреля 1914 г. состоялась бурная обструкция со стороны левого крыла Госуд. Думы против председателя совета министров Горемыкина, причем 21 депутат, в том числе и Малиновский, были исключены на 15-м заседании. По словам членов Гос. Думы Бадаева и Муранова, Малиновский возмущался создавшимся положением и настаивал на том, что «с этими карами парламентскими способами бороться нельзя»; что «нужны другие приемы борьбы», что «возвращение в Думу было бы позорным, необходимы более революционные выступления в виде уличных манифестаций рабочих, которых депутаты должны были поднять на защиту».

Этот взгляд Малиновского не встретил сочувствия среди левых элементов Думы, и 7 мая 1914 г. депутаты, по окончании срока исключения, возвратились в Думу. Здесь они по очереди читали декларацию с выражением протеста против насилия, причем председатель лишал говоривших слова. Когда после членов Думы Керенского и Хаустова выступил Малиновский и упорно продолжал читать декларацию, несмотря на лишение его слова председателем Думы, последний был вынужден поручить приставу Гос. Думы предложить Малиновскому покинуть кафедру. И только после этого Малиновский ушел на свое место. В тот же день председатель Думы М. В. Родзянко узнал от товарища министра в. д. В. Ф. Джунковского, что Малиновский является сотрудником охраны. 8-го того же мая Малиновский внезапно сложил с себя депутатские полномочия и немедленно выехал за границу. Как видно из показаний допрошенного в качестве свидетеля ген.-лейтенанта Джунковского, когда он узнал о том, что еще до его назначения на должность товарища министра, в Г. Думу был проведен при содействии Деп. Пол. сотрудник охраны, «твердо решил, прекратить это безобразие», но так, чтобы не вызвать скандала ни для Думы, ни для министров.

После неоднократных совещаний с директором Деп. Пол. Брюнде-Сент Ипполитом было решено выдать Малиновскому годовое жалованье в размере 6000 руб., потребовать от него выхода из Гос. Думы и отправить его немедленно за границу. Все это и было вслед за тем исполнено, причем, как оказалось, Малиновский не считал нужным представить какие-либо объяснения своего ухода софракционерам. По приезде же в Австрию он явился к Ленину и там, несмотря на противоречивые объяснения причин своего ухода, был партийным судом оправдан по обвинению в провокаторстве по недостаточности улик. Появившиеся же сначала в Гос. Думе, а затем и в печати и в обществе слухи о сношениях Малиновского с деятелями охраны были энергично опровергаемы в печати как самим Лениным, так и другими представителями большевиков.

Про дальнейшую судьбу Малиновского достоверно известно, лишь что он оказался в одном из лагерей военнопленных в Германии, но, как он туда попал, – не установлено. По словам вышеозначенных свидетелей Ленина и Зиновьева, Малиновский неоднократно им писал после этого из Германии; из писем к ним других военнопленных выяснилось, что Малиновский открыл там партийные занятия, читал лекции, разъяснял Эрфуртскую про-

грамму, причем слушатели присылали главе большевизма восторженные отзывы о нынешней деятельности Романа Малиновского.

Таковы данные, добытые Верховной следственной комиссией по делу об этом провокаторе. К ним мы можем добавить один любопытный документ, имеющийся в архиве дел б. Моск. Охр. Отд. Это телеграмма помощника начальника Моск. Охр. Отд. подполковника Знаменского московским частным приставам от 17 февраля 1917 г., т. е. за десять дней до начала революции, следующего содержания: «Прошу иметь наблюдение за прибытием в Москву бывшего члена Государственной Думы из крестьян Плоцкой губ. Романа Вацлавова Малиновского и по прибытии срочно сообщить Охранному Отделению. Подполковник Знаменский».

Никаких больше документов об этом ожидавшемся охранкой приезде Малиновского в делах б. МОО нами пока не найдено, и поэтому остается неизвестным, какие основания были у охранки ожидать этого приезда и состоялся ли самый приезд.

Если Р. В. Малиновский из всех «секретных сотрудников» охранки является самым крупным по своему положению в партии, то М. И. Бряндинского, как мы уже сказали, нужно считать самым крупным из провокаторов, работавших в рядах РСДРП. Вот что о нем было напечатано Бурцевым в № 84 от 16 апреля 1917 г. в газ. «Русское слово».

Цинизм предателя (Провокатор М. И. Брядинский)

Печатаемые ниже три письма провокатора Брядинского не требуют никаких комментариев. Нужно только указать в нескольких словах условия, в которых они были написаны.

В 1913 году Брядинский проживал в Нанси.

Из России пришли глухие слухи, что провалы, происшедшие перед тем в Москве, были делом его рук. Расследование было поручено мне, и я пригласил к участию двух с.-д. большевиков. Разобраться в обвинении, предъявленном Брядинскому, было очень трудно. Не было никаких документов. Все могущее навести на след находилось в Москве. О многом нельзя было заикаться в присутствии обвиняемого. Сам обвиняемый плакал, клялся в своей невиновности, протестовал, проклинал своих обвинителей... Словом, было так, как это бывает почти всегда при обличении провокаторов. Опрос как подсудимого, так и свидетелей установил с полной ясностью, что Брядинский, несомненно, грязная личность, но тех данных, которыми я располагал в то время, было недостаточно, чтобы предъявить ему обвинение в предательстве и провокации в литературе. Я настаивал, что он должен быть исключен из партии, устранен от всякой деятельности, а расследование его дела должно продолжаться. Оба соц.-дем., участвовавшие в суде, согласились со мной.

Как это видно из прилагаемых писем Брядинского, снятых с подлинников, он после объявления ему резолюции скрылся из-за границы в Россию и здесь стал вымаливать себе заступничество и денежную помощь у товарища министра внутренних дел С. П. Белецкого, настоящее время содержащегося в Петропавловской крепости, при посредстве своего ближайшего руководителя фон-Коттена, недавно убитого в Гельсингфорсе.

Больше я никогда Брядинского не встречал.

Недавно попавшие мне в руки собственные письма Брядинского к фон-Коттену и Белецкому выясняют не только, что он провокатор, но и что он провокатор, спокойно занимающийся провокацией, как выгодным для него ремеслом.

Где теперь находится Брядинский, я не знаю и печатаю его письма в надежде, что знающие его откликнутся и дадут необходимые указания об его местонахождении.

Дело расследования провокации предшествующих лет находится теперь в совсем иных условиях, чем раньше. Теперь есть полная уверенность безошибочно установить истину.

Принять участие в этой борьбе должно все общество своими дополнительными сообщениями.

В. Бурцев.

«26 декабря 1913 года.

Уважаемый Михаил Фридрихович! [фон-Коттен].

Посылаю вам копии с моего прошения и доклада, которые я одновременно отсылаю директору департамента С. П. Белецкому, желая рассчитаться за свои старые ошибки и покончить со своим нелегальным существованием.

Считаю необходимым послать это вам, во-первых, потому, что я там указываю, что некоторое время работал под вашим руководством, и вас могут спросить что-либо по этому поводу; во-вторых, вам было бы необходимо знать, о чем и как я прошу, в том случае, если бы вы согласились посодействовать мне, о чем я вас усердно прошу: ваше доброе слово, сказанное в департаменте вовремя и там, где нужно, значит очень много, если только не все, для моего дела.

Вы были всегда внимательны ко мне и уже раз оказали мне поддержку в трудную минуту; не откажите и в этот раз поддержать мои ходатайства.

Остаюсь всегда готовым к услугам признательный вам

Вяткин-Крапоткин».

«Господину директору департамента полиции его превосходительству Степану Петровичу Белецкому от административно-ссыльного потомственного почетного гражданина Матвея Ивановича Брядинского

Прошение

Ваше превосходительство! В марте 1908 года, по распоряжению департамента полиции, я был выслан из Казани в Тобольскую⁴ губ. сроком на 3 года и в марте 1909 года из ссылки скрылся за границу, где и проживал под собственной фамилией в Париже и Нанси. Убедившись в ошибочности моих былых увлечений, за которые подвергся административной высылке, и раскаиваясь в них, я вернулся из-за границы и проживаю в данное время в гор. Переяславле, Полтавск. губ., под именем Павла Ивановича Исаева. Передаю свою судьбу в руки вашего превосходительства в надежде, что вы сочтете мои пятилетние скитания достаточным для моего вразумления наказанием и, засчитав мое пребывание за границей вместо неотбытого срока высылки, позволите мне, таким образом, возвратиться к своей семье и загладить свои былые ошибки полнейшей лояльностью всей своей остальной жизни.

Время и место своего пребывания за границей и случае нужды я мог бы установить официально, так как и в Париже и в Нанси выправлял себе вид на жительство из соответственных муниципальных управлений.

*Матвей Брядинский.
20 декабря 1913 г.»*

«Господину директору департамента полиции Его Превосходительству Степану Петровичу Белецкому от бывшего секретного сотрудника Московского Охранного Отделения Вяткина-Крапоткина

Доклад

Позвольте, Ваше Превосходительство, в настоящем докладе изложить основания, которые дали мне смелость обратиться к вам с прилагаемым прошением и позволили надеяться на удовлетворение этого прошения.

С начала апреля 1909 года, т. е. почти с того же самого времени, когда департамент полиции начал меня разыскивать, как скрывшегося административно-ссыльного, и до мая 1912 г. я состоял секретным сотрудником при Московском Охранном Отделении, работая у полковников Михаила Фридриховича фон-Коттена и Павла Павловича Заварзина под псевдонимом «Вяткин», а потом – «Крапоткин». С мая же 1912 г. и по февраль 1913 г. проживал в Париже и Нанси, давая освещение местных социал-демократических групп. В России моей задачей было освещать деятельность различных организаций российской Социал-Демократической Рабочей Партии, к которым я имел доступ.

Свою деятельность я могу разделить на три периода:

1. Освещение Московской городской организации;
2. Освещение центральных учреждений партии;
3. Освещение деятельности и жизни заграничных партийных групп.

⁴ В «Русском слове» несомненная опечатка: вместо «Тобольскую» напечатано «Тамбовскую».

В первый период я был районным организатором и секретарем Московского Городского комитета и дал за это время материал, послуживший главным фундаментом обвинения на большом социал-демократическом процессе, разбиравшемся в Москве осенью 1912 года, когда из 33-х обвиняемых не было ни одного оправданного и громадное большинство получило каторжные работы на разные сроки, как члены комитетов Московского Городского и Московского Окружного. Мною также были даны указания, по которым взяты: вполне оборудованная типография с отпечатанным номером подпольной газеты и паспортное бюро с массой бланков, печатей и штемпелей. В этот же период мне удалось собрать и дать сведения о преподавании, внутренних распорядках и личности большинства учеников 1-й партийной школы для подготовки работников-профессионалов, устроенной на о. Капри Горьким, Богдановым и Луначарским.

После моего отказа от организационной работы в Москве я получил и принял предложение Центр. Комитета взять на себя обязанности его технического агента, в каковой роли я заведовал общепартийным паспортным бюро, исполняя в то же время и другие поручения Центрального Комитета, как, например, объезжая членов Центрального Комитета и извещая их о времени и месте предполагаемых пленарных заседаний Центрального Комитета.

Впоследствии же я принял на себя заведование общепартийным транспортом либеральной литературы из-за границы в Россию и рассылкой ее по местным организациям. За этот период деятельности, продолжавшийся с сентября 1909 г. по сентябрь 1911 г., пользуясь близостью к центру партии, я получал возможность освещать направление как общепартийной политики, так и отдельных ее фракций: давать периодически обзор положения дел в партии, следить за назреванием и нарастанием разногласий и раздоров среди ее теоретиков и лидеров и отражением этого разлада на партийных массах и организациях. Наряду с этим я старался парализовать те начинания Центр. Комитета, о которых я мог знать и к которым имел доступ. Так, например, два раза была предупреждена попытка устроить пленарное заседание Центрального Комитета в Москве и Калуге, причем несколько членов Центр. Комитета были арестованы; захвачен в Москве исполнительный орган Центрального Комитета, носивший название «Русского Бюро Центрального Комитета», фактически являвшийся заместителем Центрального Комитета, к тому времени уже прекратившего существование. Собрал сведения о личности учеников партийной школы, устроенной Лениным около Парижа, и о времени их возвращения в Россию, что дало возможность по ним проследить и уничтожить остатки или зародыши организаций, в которых они начали работать. Благодаря моим указаниям и телеграмме был арестован в Москве с массой адресов Алексей Рыков, видный и энергичный партийный работник, несменяемый член нескольких составов Центрального Комитета, только что приехавший из-за границы для подготовки общепартийной конференции. Указан и потом арестован другой работник, приехавший из-за границы на смену Рыкова с тою же целью.

Указаны петербургские, московские и тифлисские делегаты, имевшие поехать на общепартийную конференцию, которая состоялась в январе 1912 года. Громадные средства, затрачиваемые партией на доставку нелегальной литературы в Россию, пропадали даром, так как она или гнила на границе, или же доставлялась в Петербургское и Московское охранные отделения, и лишь самая незначительная часть рассылалась по местам, причем адреса получателей служили путеводной нитью для раскрытия местных организаций. Была указана масса более мелких практических работников Петербурга и Москвы, имевших необходимость сталкиваться со мной и тем самым дававших возможность установить за собой наблюдение.

Одним словом, без преувеличения могу сказать, что если в продолжение этих лет все усилия заграничных партийных работников восстановить разрушенную партийную работу

неизменно оканчивались неудачей и партии фактически не существовало, то в этом, наряду с объективными условиями, и моя деятельность сыграла довольно значительную роль.

В октябре 1911 года я был совершенно случайно арестован. В это время я был занят подготовкой перехода через границу делегатов на партийную конференцию и принужден был по делам очень часто отлучаться из Двинска, места своего постоянного жительства. Как раз в это время получилось предписание Ковенского Жанд. Управления обыскать меня, так как при одном аресте был найден денежный перевод с моим адресом. Так как я как раз в ночь обыска уехал, то это показалось подозрительным, меня сочли намеренно скрывшимся и тотчас по возвращении арестовали. Так как у меня ничего подозрительного не было найдено, то меня вскоре выпустили, и я поспешил в Париж, чтобы попытаться проникнуть на конференцию в качестве представителя от технической группы, но это мне не удалось.

Я встретил в центральных заграничных кругах холодное отношение к себе, вызванное малой продуктивностью моей работы и моим несвоевременным арестом, благодаря которому были арестованы некоторые делегаты, и пришлось произвести новые выборы, отложив время созыва конференции. Отношение это было так ясно мне показано, что я потребовал от Центр. Комитета назначения особой комиссии для расследования моих действий. Мое требование было исполнено, и комиссия, в состав которой входил и Бурцев, нашла, что в моих действиях и в моей жизни нет ничего предосудительного и позорящего мою честь. Таким образом, я мог бы продолжать свою деятельность, но, ввиду того что в центре еще свежо было впечатление от моих неудач и потому ответственного дела мне не поручили бы, я решил временно сойти со сцены, дать время забыть о моей истории, а самому тем временем заняться устройством своих личных дел и, рассчитавшись за старые ошибки, получить возможность жить под своим собственным именем и прекратить свое, не вызванное в настоящее время необходимостью, нелегальное существование. На пути к этой цели у меня два препятствия: одно – это то, которое я прошу вас устранить в своем прошении, т. е. административная высылка. Но, кроме того, я еще разыскиваюсь судебным следователем 1-го участка г. Ярославля по обвинению меня в поступлении с подложным аттестатом в Демидовский юридический лицей. Принимая во внимание мягкость приговоров в большинстве аналогичных дел, а также и то, что у меня есть смягчающие вину обстоятельства, я надеюсь или быть оправданным, или же отделаться несколькими месяцами тюрьмы, конечно при наличии приличного адвоката. Поэтому, по получении от Вашего Превосходительства ответа на мое прошение, я поеду в Ярославль и явлюсь сам к судебному следователю. И, конечно, судебный следователь не применил бы ко мне высшей меры пресечения, как к лицу, добровольно явившемуся, если бы только мои счета с Департаментом Полиции были уже закончены. Это заставляет меня, Ваше Превосходительство, беспокоить Вас моей просьбой удовлетворить мое прошение, приложенное к данному докладу.

Ввиду же того, что я имею твердое намерение и полную возможность восстановить свою ценность секретного сотрудника, я прошу Ваше Превосходительство о сохранении в реабилитации полного секрета.

Кроме этого, считаю себя вынужденным обратиться к Вашему Превосходительству с ходатайством о назначении мне единовременного пособия в размере пятисот рублей.

Дело в том, что я сейчас нахожусь хотя и в бедственном положении, так как нелегально достать себе работу чрезвычайно трудно, но все-таки могу кое-как перебиваться, не обращаясь за помощью. С того же момента, как я явлюсь к следователю, я буду поставлен прямо в безвыходное положение. Работы подсудимому никто никакой не даст, – это раз; во-вторых, чтобы иметь шансы на оправдание, нужно иметь хорошего защитника, а чтобы его иметь, нужно ему хорошо заплатить.

Одним словом, и на прожитие во время суда и следствия, и на ведение процесса нужна крупная для меня сумма, которую я не могу достать иначе, как обратившись к Вашей помощи.

Простите, Ваше Превосходительство, что пишу без соблюдения установленных форм; дело такого рода, что я никого не могу взять себе в советники; существо же дела дает мне надежду, что Вы благосклонно отнесетесь к моим просьбам и удовлетворите их.

*Вяткин-Крапоткин.
26 декабря 1913 года».*

К столь обстоятельно рассказанной самим Бряндинским истории его деятельности мы можем кое-что прибавить. В архиве дел б. Моск. Охр. Отд. имеется две «разыскные» карточки, из которых узнаем, что Матвей Иванович Бряндинский – потомствен. почет. гражд., уроженец Казани, род. в 1879 г., православный, учитель; мать его Анна Ивановна (р. в 1860 г.) жила в 1909 г. в Казани; есть брат Григорий (р. в 1887 г.) и сестра Мария (р. в 1891 г.). В первый раз Бряндинский был выслан в 1907 г. постановл. Министра Вн. Д. под гласн. надзор полиции в Нарымский край Томской губ. на 2 года, откуда в 1907 же году скрылся. Во второй раз был выслан постан. М.В.Д. в Тобольскую губ. на 3 года с 28 апреля 1908 г., откуда скрылся в 1909 г., о чем говорит и сам Бряндинский в напечатанных Бурцевым документах. В «деле» б. МОО, озаглавленном: «Моск. Комитет РСДРП и работники по районам 1909 г.» – имеется список как членов Комитета, так и районных работников, составленный на основании сообщений 13 секретных сотрудников, в том числе главным образом «Вяткина», т. е. Бряндинского. В списке членов Моск. К-та Бряндинский значится под кличкой «Матвей» в качестве представителя от Лефортовского района во времен. исп. комиссию, а в списке работников Лефортовского р. – как ответственный организатор района (живет в Измайлове).

Судя по тому, что на одной из «разыскных» карточек имеется штампель: «Розыск отменен, цир. ДП от 12 апр. 1914 г.», можно думать, что просьба Бряндинского о его реабилитации была Департаментом Пол. удовлетворена. Таковы пока имеющиеся у нас сведения об этом выдающемся провокаторе.

Одним из самых старых агентов охраны был видный член соц.-дем. партии Яков Абрамович Житомирский, о котором в четвертом списке раскрытых секретных сотрудников, составленном комиссией при министерстве юстиции по ликвидации б. Деп. Пол. имеется такая справка:

«Житомирский, Яков Абрамов, доктор, 37 лет, с.-д. большевик, поступил в заграничную агентуру в 1902 г. Будучи студентом Берлинского университета, освещал берлинскую группу «Искры», ездил в Россию по партийным поручениям и проч. Начал с 260 марок в месяц, а в последний год, живя в Париже, получал 2000 франков в месяц, освещал не только с.-д., но и вообще жизнь эмигрантской колонии. Охранные клички: «Обухов», «Ростовцев», «Андре» и «Додэ» (см. «Рус. Вedom.» № 143 за 1917 г.). О Я. А. Житомирском, как соц.-демократе, см. справку в конце книги.

Крупным осведомителем петербургской охраны был Мирон Ефимович Черномазов, о котором в списке, найденном среди других бумаг б. Петерб. Охран. Отд., сказано:

«Черномазов Мирон Ефимович («Москвич») – 200 руб. жалованья, бывший член Центрального Комитета с.-д. партии. Был главным руководителем большевистской газеты «Правда». Освещает общее положение партии частью местной организации» («Бирж. вед.» № от 11 марта 1917 г.). В списке секретных агентов царского правительства, опубликованном министерством Керенского, М. Е. Черномазов значится,

но о нем не дано никаких справок, а потому дать какие-либо пояснения к тому, что сообщает о нем Малиновский в своем отчете Департаменту Пол. о совещании ленинцев 27 июля 1913 г. (см. с. 209), мы не можем.

О Василии Егоровиче Шурканове в списке провокаторов, опубликованном министерством юстиции, имеется такая справка:

«В. Е. Шурканов, крест. Московск. губ., кличка [охранная] «Лимонин», рабочий-металлист завода «Новый Айваз», член 3-й Госуд. Думы с.-д. фракции, большевик. Был членом Петроградского и Выборгского районных комитетов и товарищем председателя союза металлистов. В Охр. Отделении с 1913 г. Жалованье 75 руб. Арестован» (см. «Рус. слово» от 9 апреля 1917 г.).

В списке секретных сотрудников, найденном в б. Петерб. Охр. Отд., при его фамилии имеется характеристика: «Жадный, просит прибавки» (см. «Бирж. Вед.» за 11 марта 1917 г.).

В том же «министерском» списке значится:

«Сесицкий Иван Петрович, работал на Невском судостроит. заводе, ленинец, член Петроградского комитета. В 1911 году был заподозрен в провокации, а в 1912–1913 гг. все же дал ценные сведения о составе Петроградск. комитета латышской группы. В 1912 году благодаря ему ликвидировано несколько ленинцев, а в 1913 г. – две нелегальные типографии. Сотрудничал с 1910 года; получал 60 р. в месяц. Охранная кличка – «Умный». Революц. клички: «Александр», «Владимир», «Илья». Арестован» (см. «Утро России» от 9 апреля 1917 г.).

О Житомирском, Черномазове, Шурканове и Сесицком, не имевших тесных связей с Москвой, в делах б. Моск. Охр. Отд., кроме напечатанных в конце книги справок, никаких сведений не найдено, что объясняется, конечно, тем, что они по московской охране, как не москвичи, не проходили.

Иначе, естественно, обстоит дело с московскими секретными сотрудниками, из которых наиболее крупными (кроме Малиновского и Бряндинского) из работавших по эсдекам были Андрей Сергеевич Романов и Алексей Иванович Лобов.

Член Совета министра в. д. С. Е. Виссарионов, производивший в декабре 1915 г. ревизию Моск. Охр. Отд., в своем отчете об этой ревизии тов. м. в. д. С. П. Белецкому дает такую характеристику А. С. Романова:

«Пелагея» [охран. кл. Романова] – с марта 1910 года [служит в Охр. Отд.], получает 100 рублей в месяц; большевик; до 1912 года дал весьма много ценных сведений благодаря близости к центру – о каприйской школе пропагандистов и агитаторов, о Пражской конференции; в настоящее время состоит членом Областного Бюро Центрального промышленного района РСДРП, имеет сношение с наиболее видными членами партии, живущими в России и за границей (Лениным); по его сведениям арестована в ноябре 1914 г. в Озерках вблизи Петрограда конференция большевиков с участием членов социал-демократической фракции Государственной Думы.

Пользуясь большими партийными связями и состоя единственным членом названного Областного Бюро, «Пелагея» имел возможность отметить прибытие в Москву видных партийных деятелей (Веры Арнольд⁵, Ульяновой⁶ и других), а также поддерживать партийную

⁵ В «агентурной записке» «Пелагеи» от 17 апреля 1915 г. между прочим сообщается: «На этих днях приехала из Петрограда в Москву по поручению «Петербургского Комитета РСДРП», ныне временно, видимо, исполняющего функции Центрального Комитета, некая «Татьяна Сергеевна», до войны долгое время проживавшая за границей, преимущественно

связь с провинцией и в этом отношении быть ценным сотрудником. Однако как «областник», могущий освещать партийные «верхи», «Пелагея» по своему положению должен давать директивы по партийной работе и поэтому крайне осторожно действовать во избежание провокации; освещать же мелкую текущую работу (в группах и на местах) он не может; таким образом, «Пелагее» (по своему положению), чтобы обеспечить в партийных кругах положение «областника» и оставаться в то же время добросовестным сотрудником, необходимо быть под руководством опытного розыскного офицера и находиться под тщательным контролем. Руководит им ротмистр Ганько»⁷.

Посланный во второй половине 1909 г. Моск. Окружной Организацией в школу пропагандистов на о. Капри, Романов по возвращении из-за границы был арестован в Москве 1 марта, а 8 марта помечена составленная на основании полученных от него сведений «агентурная записка» о каприйской школе (см. с. 77–79 этой книги).

Так блестяще начав свою предательскую деятельность, Романов продолжал вести ее с неослабным старанием в течение семи лет, вплоть до революции, получая за свою работу вначале 40 рублей, а впоследствии поднявшись до 100 р. в месяц. В 1910 г. по его сообщениям была ликвидирована московская «инициативная» группа, членом которой он состоял. Сведения о Пражской конференции большевиков (в январе 1912 г.) даны Охранному Отделению Романовым, представительствовавшим область Центр. промышл. района (см. с. 153 и след.).

Из дальнейшей деятельности его как провокатора нужно отметить провал им совещания, устроенного думской соц.-дем. фракцией 4 ноября 1914 г. в Озерках, и участие его в подготовке выступления 10 августа 1915 г. рабочих в Иваново-Вознесенске, когда безоружные толпы расстреливались казаками. Дело с арестом совещания в Озерках, очень тонко проведенное Романовым под руководством начальника Моск. Охр. Отд. Мартынова (см. с. 235–240), оставив его вне подозрений со стороны преданных им товарищей, должно было чрезвычайно высоко вознести его в глазах начальства. Имея в лице Мартынова защитника и покровителя, Романов теперь пускается в дела, которые даже Департаментом Полиции квалифицируются как провокационные. Участие его в подготовке событий, разыгравшихся 10 августа 1915 г. в Иваново-Вознесенске, было одним из поводов назначения ревизии московской охраны, но и ревизия эта сошла для Романова вполне благополучно: так ценен был он для охранников, конечно, главным образом из-за своих связей с Лениным и его сестрой.

А. С. Романов значится в списке агентов МОО, опубликованном моск. «Комиссией по обеспечению нового строя», по распоряжению которой он был в свое время арестован.

Алексей Иванович Лобов, поступивший на службу в московскую охранку в июне 1913 г., состоял в рядах соц.-дем. партии с 1903 г., работая с этого года по ноябрь 1905 г. в Крыму, где дважды был арестован. С ноября 1905 г. до января 1907 г., когда уехал за границу, работал в партийных организациях в Саратове, Крыму, Харькове и Одессе. В Берлине вошел в состав заграничной организации при Центр. Комитете. Арестованный в ноябре 1907 г. германской полицией, Лобов был выслан из пределов Пруссии и вернулся в Россию. В Москве арестовывается в мае 1910 г.; в конце 1911 г. входит в состав Московского Комитета РСДРП. Из печатаемой в конце книги справки видно, что в 1911–1913 годах Лобов в московской организации занимал исключительно важное положение. К этому же времени относится его участие в петербургской газете «Правда». Первые месяцы 1913 года Лобов в Москве занят

в Цюрихе». Против этого места на полях отметка: «Татьяна Сергеевна устанавливается» (т. е. узнается, кто она такая), и позднейшая: «Татьяна Сергеевна» – Арнольд Вера Степановна, жена дворянина» («Агентурные записки» по РСДРП за 1915 г., т. I).

⁶ Ульянова – Мария Ильинична Ульянова, сестра Ленина. А. С. Романов («Пелагея») был с ней близко знаком, а потому и много сообщал о ней Охранному Отделению.

⁷ Отчет Виссарионова напечатан нами в № 1–3 «Голоса Минувшего» за 1918 г.

организационной работой по созданию рабочей газеты, но 19 марта арестовывается и после одного из допросов поступает на службу в охранное отделение. С конца июня 1913 г. появляются «агентурные записки», составленные на основании поступивших от него сведений.

О его деятельности как «секретного сотрудника» охраны «Комиссией по обеспечению нового строя» была составлена такая справка: «[сообщал] о Московской Окружн. Организации с.-д., о деятельности депутата Государственной Думы Р. Малиновского, об организации партийной школы в Поронине (Галиция)⁸. В 1914 г. давал подробнейшие сведения о деятельности Областного Бюро Центрального района, о работе партийных кругов. Выдал участников так наз. «ленинского совещания» (принимал участие в нем сам), где был арестован делегат Новожилов. В октябре 1913 г. был вызван в Петербург Малиновским, от которого получил поручение объехать Владимирскую и Костромскую губ., причем выдал Охр. Отд. явочные адреса. В связи с этим были аресты в Иваново-Вознесенске, вызвавшие запрос в Госуд. Думе. Выдал также бывш. выборщиков с.-д. в 4-ю Госуд. Думу, собиравшихся в Москве в октябре 1913 г. По доносам Лобова было произведено очень много арестов. Один из наиболее крупных провокаторов».

В указанном отчете Виссарионова говорится, что сотрудник «Мек» (охр. кл. Лобова) был уволен нач. О. О. Мартыновым в конце 1915 г. за пьянство. Революция застала Лобова в Крыму. Арестованный в Симферополе в ночь на 18 апреля, он под стражей был доставлен в Москву. По дороге дважды пытался бежать. Первоначально был помещен в дом б. генерал-губернатора.

Старым партийным работником с хорошим революционным прошлым был Андрей Александрович Поляков (см. справку в конце книги), оказавший немалые услуги московской охране. О нем «Комиссия по обеспечению нового строя» опубликовала следующее:

«Поляков Андрей Александрович, крест. деревни Дубков, Калужской губ., 40 лет, с.-д., в партийных кругах известен под псевдонимом «Кацап» (охр. кличка «Сидор»). Бывший член областного комитета партии с.-д. Давнишний партийный работник в Одессе и Москве. Делегат на международном съезде с.-д. в Вене. Неоднократно судился. Работал в Охр. Отделении с 1911 г. Во время предвыборной кампании в 4-ю Думу входил в Комитет по выборам в качестве представителя от с.-д. Тогда же был заподозрен в сотрудничестве в Охр. Отд. По недостатку улик объявлен провокатором не был, но от работы в партии устранен. После революции прислал на имя А. М. Никитина письмо, в котором выразил желание реабилитироваться. Сознался. Один из наиболее крупных осведомителей».

К этому нужно добавить, что Поляков был послан нач. МОО Мартыновым на Венскую конференцию соц. демократов 1912 г., о которой он дал охране весьма обстоятельный отчет. Послан он был со специальной целью препятствовать объединению собравшихся представителей различных соц.-дем-их организаций, проводя идеи большевизма. Как он выполнял это поручение, видно из напечатанных нами (с. 187–195) извлечений из его отчета.

«Одним из осведомителей исключительной важности», по определению «Ком. по обесп. нов. строя», являлся Алексей Ксенофонтович Маракушев, о котором в списке провокаторов, опубликованном Комиссией, сказано:

«Маракушев Алексей Ксенофонтович, кр. Владимир. губ., Ковровского у., Ложневской вол., (кличка «Босяк»). Монтер фирмы Эриксен, с.-д. меньшевик. В 1911 г. вступил в состав руководящего коллектива, имевшего целью восстановление московской организации с.-д. В 1911 г. сделался

⁸ Школа в Поронине только проектировалась Лениным, но проект этот не осуществился.

сотрудником О. О., которому дал подробный обзор партийной организации и деятельности с.-д. с 1905 г. по 1912 г., назвав членов всех комитетов и комиссий. Указал деятелей всех партий, принимавших участие в ковровских волнениях в 1905 г. В 1914 г. играл видную роль в с.-д. организациях, ведя примиренческое направление. Обо всем сообщал Охр. Отд. 1 июля 1914 г. избирается делегатом от металлистов на межд. социалист. конгресс в Вене, не состоявшийся из-за войны. Кроме сообщений о партийных организациях, осведомлял Охр. Отд. о профессиональных обществах. Доносил о лицах, принадлежавших к анархистам-коммунистам и к военным организациям. Получал 50 р. в месяц. Один из осведомителей исключительной важности. Арестован».

По сравнению с указанными Иван Григорьевич Кривов является осведомителем менее крупным. В списке «Комиссии по обесп. нов. строя» о нем имеется такая справка:

«Кривов Иван Григорьевич, мещ. Нижнего Новгорода (кличка «А. Н. О.»), техник на заводе Бутырского т-ва «Устрицева и Виноградова». Служил в Охр. Отд. не менее 5 лет до последнего времени. Осведомлял главным образом о движении трамвайных служащих».

Кроме перечисленных, провокатором оказывается ученик ленинской школы пропагандистов в Лонжюмо, носивший кличку «Василий», которого Бряндинский так характеризовал: «Делегат от Нижнего Новгорода, «Василий» по взглядам большевик-примиренец, уроженец Владимирской губ., по профессии чернорабочий; старый партийный работник, обыскивался и арестовывался» (см. с. 128).

Что этот «Василий» – провокатор, дает нам основание утверждать письмо в Департамент Полиции помощника начальника Владимир. Губ. Жанд. Упр. в Шуйском у. ротмистра Орловского следующего содержания:

«7 июня 1911 г.
Совершенно секретно.
Доверительно

Состоящий в моем распоряжении в качестве секрет. сотрудника «Владимирец» сего 6-го июня, будучи командирован в партии в школу пропагандистов при посредстве Нижегородской организации соц.-демокр. пар., выехал в Париж, адр. ему дан: «Chatillon par Paris, rue du Plateau, 17», спросить Ник. Алекс. Семашко, а в его отсутствие жену Семашко, Надежду Михайловну, сказать им: «Прибыл из Иваново через Нижний от «Бориса Павловича» и добавить, что «из Сормова товарищ не поехал, так как вышла задержка». «Владимирец» выехал по легальному паспорту, выданному Владимирским Губернатором от 2 июня за № 106.

Явка была получена 3 июня в Н.Новгороде, в квартире Василия Иванова (адр. – Мининск. ул., новая стройка, д. № 8, Морева, кв. 2) «от Бориса Павловича» – фамилия неизвестна, равно как и то, является ли это имя-отчество настоящими или кличкой. Тут же находился неизвестный, только что прибывший из Петербурга, по профессии переплетчик, администр. высланный. «Борис Павлович» сообщил, что Семашко по профессии врач, но практикой не занимается, состоит редактором «Пролетария», что в Париже «Владимирцу» придется встретиться: с Александровым, Станиславом Вольским, лично знакомым «Владимирцу» «Юрием», который в 1907 г. был известен «Владимирцу» в гор. Костроме.

Деньги на командировку 2-х лиц в размере 110 р. были получены Нижег. Орган., которая и выдала «Владимирцу» 65 р.

«Владимирцу» в Н.Новгороде предложено немедленно выехать в Париж, так как курсы должны открыться в очень скором времени.

Ввиду того что в момент прихода ко мне сотрудника (6 июня), полковника Байкова, бывш. нач-ка сего Управления, уже во Владимире не было, и заявления сотрудника, что он в видах конспирации должен непременно выехать 6-го же июня и его ждут уже некоторые товарищи в условленном месте, чтобы проститься с ним, а потому он не может еще раз зайти ко мне, а тем более отложить свой отъезд до получения распоряжений из Владимира, – я решился дать ему согласие на выезд самостоятельно.

Сотруднику указано, что по прибытии на место он должен будет сообщить свой адрес для письменных с ним сношений, причем для первого его письма в г. Иваново-Вознесенск условлен конспиративный адрес, – вменено в обязательство сообщать о всех полученных им в пути по России сведениях, касающихся партийной работы, о лицах, могущих с ним встретиться, каковые также могут направляться за границу с ним с одной целью.

«Владимирец» удовлетворен ежемесячным вознаграждением (20 р. в мес.) по 1 июня с. г., и мною ему выдан аванс в счет вознаграждения 40 р.; принимая во внимание просьбу «Владимирца», его личные и семейные расходы, каковые при проживании за границей, безусловно, увеличатся, а также серьезность занимаемого им ныне положения в партии, какое еще более увеличится по возвращении из поездки, я полагаю возможным и желательным повысить ему вознаграждение по 50 р. в месяц. О чем прошу.

Ротмистр Орловский».

[Дело № 3-б за 1911 г. Аг. Отд. МОО].

Сотрудника «Владимирца» в известных нам списках разоблаченных провокаторов нет, и потому мы пока не знаем, кто работал под этой кличкой, но что «Владимирец» и «Василий», о котором писал Бряндинский, одно лицо, это несомненно.

Таковы имеющиеся у нас сведения об упоминаемых в публикуемых документах провокаторах.

Эти 12 человек, повторяем, составляют лишь небольшую часть всех провокаторов и просто «осведомителей», работавших в соц.-демократической партии.

Опубликование полного списка таковых – дело будущего, будем думать, недалекого...

М. Цявловский

14 (1) февраля 1918 г.

I

II съезд РСДРП в 1903 г. • «Большинство» и «меньшинство» съезда. • III съезд «большевиков» и I конференция «меньшевиков» в 1905 г. • Резолюция о «временном правительстве». • IV (Объединительный) съезд РСДРП в 1906 г. • Резолюции съезда. • Лондонский съезд в 1907 г. • Резолюции съезда. • «Всероссийская конференция» в Выборге в июле 1907 г.

В 1903 г., летом, за границей [в Лондоне] собрался II съезд Рос. Соц.-Дем. Рабочей партии. На этом съезде были представлены 36 местных комитетов и групп, организация «Искра», группа «Южного рабочего», Центральный комитет Бунда, группа «Освобождение Труда», «Лига революционной русской социал-демократии», «Заграничный союз русских социал-демократов» и заграничный комитет Бунда. Одним из важнейших дел съезда было утверждение партийной программы по проекту «Искры», с незначительными изменениями. В программе этой русская социал-демократия дала полную и точную формулировку своих конечных целей и ближайших требований и с особенной полнотой развила свои ближайшие политические задачи. Так, Российская соц.-демокр. высказала в своей программе требование демократической республики и созыва Учредительного собрания.

Затем съезд приступил к организационному строительству партии. Прежде всего были распущены те организации, существование которых наряду с официально уже признанными партийными органами становилось излишним. Так, были распущены: за границей «Группа освобождения труда», «Борьба», «Союз русских социал-демократов» и в России «Южный рабочий», а единственной заграничной партийной организацией была признана «Лига революционной русской социал-демократии», в которую и должны были войти члены всех остальных распущенных заграничных групп. Далее II съезд утвердил решение I съезда партии о возложении обязанности по объединению и руководству деятельностью всех организаций на Центральный Комитет и на Центральный руководящий орган партии, причем избрал последним газету «Искру»; засим для согласования деятельности Центрального Комитета и Центрального Органа был создан постоянно действующий «Совет партии» из 5 членов, и, наконец, самой высшей инстанцией был признан партийный съезд. Программа партии была принята единодушно, но вопросы партийной организации вызвали упорную борьбу различных течений. Особую позицию на этом съезде заняли представители Бунда, которые не соглашались на признание Бунда автономной частью партии (по решению I съезда) и требовали, чтобы II съезд признал бы Бунд единственным представителем еврейского пролетариата и чтобы Бунд был объединен с партией лишь на федеративных началах. Так как съезд на эти требования не согласился, то делегаты Бунда ушли со съезда, и, таким образом, произошло временное отделение Бунда от Рос. Соц.-Дем. Раб. партии. В заключение обзора деятельности II съезда необходимо упомянуть, что на нем были впервые выработаны в целом ряде резолюций руководящие указания для всей партии по вопросам партийной тактики.

Однако и этот съезд в деле прекращения партийных раздоров не оправдал возлагавшихся на него надежд. Наоборот, разногласия, начавшиеся на самом съезде, скоро проникли во все партийные организации. Разделив сплоченное доселе ядро «искровцев» на «большинство» и «меньшинство», они еще на самом съезде положили начало жестокой фракционной борьбе из-за состава центральных учреждений партии и, распространившись на всю партию, привели ее к полному расколу.

Главных предметов спора было два. Первый главнейший был § 1 партийного устава, определявший принадлежность к партии. В проекте Мартова, родоначальника «меньшевиков», этот § гласит: «Членом Рос. Соц.-Дем. Раб. Партии считается всякий признающий ее

программу, поддерживающий партию материальными средствами и оказывающий ей регулярное личное содействие под руководством одной из организаций». Проект Ленина, представителя большевиков, отличался от проекта меньшинства тем, что требовал от члена партии (кроме признания программы и материальной поддержки) личного участия в одной из партийных организаций. Хотя сам по себе этот § практического значения в жизни партии никогда не имел, тем не менее, однако, большое значение имели разногласия, обнаружившиеся при его обсуждении и породившие два направления в русской социал-демократии: «большевистское» и «меньшевистское», которые и существуют до настоящего времени.

Второй пункт разногласий был вопрос о централизации партии. Большевики требовали большей централизации, настаивали на больших полномочиях Центрального Комитета, который, сосредоточивая все лучшие силы партии, мог бы придать всей партийной работе большую выдержанность и продуктивность, и подчеркивали поэтому необходимость строгой партийной дисциплины и разделения труда как в каждой отдельной организации, так и во всей партии в целом. Напротив, меньшевики полагали, что эта централизация может совершиться лишь медленно и постепенно, и видели опасность для самостоятельности местных организаций в наделении Центрального Комитета большими полномочиями по уставу партии. Хотя и эти указанные разногласия признавались самими фракциями слишком незначительными, чтобы помешать совместной работе, однако фракционная борьба возгорелась с такой силой, что затормозила не только объединение партии, но и работу отдельных организаций и внесла в партию большую дезорганизацию.

Групповая обособленность сказалась тотчас же после съезда в бойкоте центральных учреждений партии, состав которых был проведен «большинством», почему «меньшинство» не замедлило открыть кампанию в защиту своих организационных взглядов. Сторонники «меньшинства» в России бойкотируют большевистский Центральный Комитет и, обособляясь от партии организационно, устраивают самостоятельную транспортировку литературы, организуют свое «Бюро меньшинства», заменяющее для южных меньшевистских комитетов партийный Центральный Комитет. Весь 1904 год проходит в ожесточенной борьбе фракций. Наконец летом того же года Центральный Комитет делает попытку примирить фракции, путем взаимных уступок восстановить единство партии и в своей июльской декларации извещает о состоявшемся соглашении с меньшевиками и призывает организации к совместной работе. Эта попытка, однако, не достигла цели. Тотчас же после декларации выделяется «твердое» большинство, которое восстает против уступчивости Центрального Комитета и, считая требования меньшевиков резко противоречащими партийному уставу и духу организации, начинает в Женеве самостоятельное издательство и агитацию за созыв III съезда партии, видя в нем единственный выход из создавшегося положения. Это порождает «борьбу за съезд», так как Совет партии, редакция «Искры» и все «меньшинство» в России ведут кампанию против съезда, и сам Центральный Комитет высказывается также против съезда, надеясь все еще установить единство путем частного соглашения с меньшинством. Тогда комитеты «большинства» на 3 конференциях, Южной, Кавказской и Северной, организуют «Бюро комитетов большинства», которое ведет агитацию за съезд и приступает к созыву III съезда революционным (для партии) путем.

Весною 1905 г. делегаты от 29 комитетов прибыли за границу на III партийный съезд. Съезд этот был созван «Организационным комитетом», который составил из «Бюро комитетов большинства» и присоединившегося к нему в последний момент Центрального Комитета. Приехавшие делегаты «меньшинства» не приняли участия на съезде и удалились, чтобы устроить вместе с редакцией «Искры» и делегатами «Лиги» I конференцию партии. Таким образом, III съезд и I конференция самым фактом своих одновременных и отдельных заседаний укрепили и узаконили раскол в партии и в то же время определенно выразили два новых направления в Рос. Соц.-Демократии. Центральным пунктом разногласий между

«большинством» и «меньшинством» явился теперь вопрос об отношении их к будущему революционному правительству, и резолюции III съезда и I конференции наиболее полно выразили взгляды «большинства» и «меньшинства» на роль социал-демократии в ожидаемой революции.

Резолюция I конференции меньшевиков о завоевании власти и участии во Временном правительстве сводится к тому, что социал-демократия считает решительной победой революции над царизмом либо учреждение Временного правительства, вышедшего из победоносного народного восстания, либо революционную инициативу того или иного представительного учреждения, решающего под непосредственным давлением революционного народа организовать Всенародное Учредительное Собрание. Задачей революции в России является окончательная ликвидация всего сословно-монархического режима в процессе взаимной борьбы между элементами политически освобожденного буржуазного общества за осуществление своих социальных интересов и за непосредственное обладание властью. Ввиду сего с.-д. полагает, что она не должна ставить себе целью захватить или разделить власть во Временном правительстве, а должна оставаться партией крайней революционной оппозиции.

Наоборот, в резолюции III съезда «большевиков» о Временном правительстве съезд считает, что осуществление демократической республики в России возможно лишь в результате победоносного народного восстания, органом которого явится Временное революционное правительство, и что этот демократический переворот в России не ослабит, а усилит господство буржуазии, которая неминуемо попытается отнять у российского пролетариата возможно большую часть завоеваний революционного периода. Ввиду сего съезд признает, что во Временном революционном правительстве допустимо участие уполномоченных социал-демократической партии в целях беспощадной борьбы со всеми контрреволюционными попытками и отстаивания самостоятельных интересов рабочего класса.

Таким образом, из этих резолюций видно, что взгляды обеих фракций на ход и исход буржуазной революции и на роль в ней социал-демократии тесно связаны с их отношением к непролетарским классам и партиям. Обе фракции признают, что демократический переворот не может быть совершен силами одного пролетариата и что социал-демократия, руководя политической борьбой рабочего класса и отстаивая его интересы в этой борьбе, должна поддерживать всякое оппозиционное и революционное движение буржуазии, направленное против существующего строя. Однако совершенно неодинаково оценивается обеими фракциями революционное значение союзников пролетариата. Взгляд меньшинства основывается на том, что буржуазия, как класс, должна бороться против самодержавия, но что революция должна упрочить классовое господство буржуазии и отсюда приходит к выводу, что пролетариат не должен играть руководящей роли в буржуазной революции. В политической практике меньшевики придают гораздо больше значения в ходе революции не крестьянству, а либеральным партиям городской и помещичьей буржуазии. Отсюда и объясняется представление меньшинства о вероятном исходе победоносной революции не только путем народного восстания и Временного правительства, но также и путем «решения народного представительства созвать Учредительное собрание под давлением революционного народа». Большевики же, наоборот, критикуя неустойчивость либеральной буржуазии, всегда готовой вступить в сделку с реакцией, видят наиболее надежного союзника пролетариата в крестьянине, и отсюда вытекает практический лозунг «большинства»: революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства в интересах полного демократического переворота для проведения в жизнь большевистской программы, а именно: осуществление всех ближайших политических и экономических требований.

В мае 1906 г. в Стокгольме состоялся IV съезд представителей соц.-демокр. Организаций, задачей коего было наметить основные базы предстоящей революционной борьбы, так

как опыт 1905 г. показал партии несовершенство ее организации, в силу которой пролетариат во время выступления очутился без руководителей, а потому и занял в революционной борьбе последнее место среди других слоев населения. Отличительной чертой этого съезда является выборное представительство его членов, сделавшее его съездом не исключительно лишь «верхов», а съездом, организованным пролетариатом социал-демократии⁹. Деятельность этого съезда проявилась главным образом: 1) в выработке программы по аграрному вопросу; 2) в пересмотре и переработке организационного устава, построенного на основах демократического централизма и выборности всех партийных учреждений; 3) в обсуждении впервые вопроса о профессиональных союзах; 4) в выработке объединительного соглашения с национальными социал-демократическими организациями: Польской соц.-демократией, Бундом и Социал-демократией Латышского края, почему IV съезд и получил название объединительного. Мотивом к обсуждению на съезде программы по аграрному вопросу послужило то обстоятельство, что в период времени, предшествующий съезду, все внимание революционных организаций было обращено на крестьянство. Основным положением и исходной точкой аграрной программы, выработанной на съезде, было требование свободного развития классовой борьбы в деревне. Резолюция, вынесенная на этом съезде по аграрному вопросу, вошла целиком в современную программу партии.

Далее, по вопросу «о профессиональных союзах» этот съезд впервые постановил: 1) что партия должна поддерживать стремление рабочих к профессиональным организациям и всеми мерами содействовать образованию беспартийных профессиональных союзов; 2) что в этих видах, пользуясь всеми легальными средствами, и в частности законом 4 марта 1906 г. о профессиональных союзах, следует непрерывно расширять легальные рамки, ведя неуклонную борьбу за полную свободу союзов; 3) что в союзы должны вступать все члены, принимая активное участие во всей деятельности союзов и постоянно укрепляя среди членов их классовую солидарность и классовое сознание, чтобы органически в борьбе и агитации связывать союзы с партией.

Наконец, на Стокгольмском съезде были подвергнуты обсуждению еще вопросы:

I) об отношении к Государственной Думе, причем съезд постановил: 1) планомерно использовать все конфликты, возникающие как между правительством и Думой, так и внутри самой Думы, в интересах расширения и углубления революционного движения и для этого: а) стремиться усилить и обострить эти конфликты до пределов, дающих возможность сделать их исходной точкой широких массовых движений, направленных к низвержению современного политического порядка; б) стараться в каждом данном случае связывать политические задачи движения с социально-экономическими требованиями рабочей и крестьянской массы; в) широкой агитацией среди народных масс за предъявление к Думе революционных требований организовать давление на Госуд. Думу извне в целях ее революционизирования; 2) направлять это свое вмешательство таким образом, чтобы эти обостряющиеся столкновения а) обнаруживали перед массой несостоятельность всех буржуазных партий, которые возьмут на себя в Думе роль выразителей народной воли, и б) довести широкую народную массу (пролетариата, крестьянства и городского мещанства) до сознания полной непригодности Думы как представительного учреждения и необходимости созыва всенародного Учредительного Собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования.

Кроме того, не предвещая в настоящий момент вопроса об официальном представительстве партии в Государственной Думе, следует признать желательным, чтобы при наличии с.-д. депутатов, работающих в партийной организации и подчиняющихся ее указаниям, была образована соц.-демокр. группа, которая, действуя под постоянным руко-

⁹ [На этом съезде большинство делегатов были «меньшевики».]

водством и контролем центральных учреждений партии, должна толкать своей критикой все буржуазные партии к более решительной оппозиции, спланировать вокруг себя все революционные элементы, выдвигать социально-экономические вопросы и поддерживать их связь с политическими, обострять конфликты Думы с правительством и поддерживать через посредство партийной организации постоянную связь с широкими рабочими массами. Поэтому всюду, где еще предстоят выборы, где РСДРП может выставить своих кандидатов, не вступая в блоки с другими партиями, она должна стремиться провести своих кандидатов в Думу.

II) «О вооруженном восстании» вынесена резолюция, согласно коей съезд признал: 1) что партия должна ограничить свои задачи содействием самовооружению населения, организацией и вооружением боевых дружин, которые были бы способны внести инициативу и планомерность в первые акты повстанческой борьбы; 2) что на обязанности партии лежит противодействие всем попыткам вовлечь пролетариат в вооруженное столкновение при неблагоприятных условиях, чем бы эти попытки ни вызывались, провокаторскими приемами правительства или бунтарскими иллюзиями легкомысленного революционизма; 3) что в интересах успешной постановки вооружения и наибольшей согласованности действий повстанцев комитеты партии должны вступать в боевые соглашения с другими революционными и оппозиционными организациями. Вместе с тем съезд постановил, что необходимо усилить и систематизировать пропагандистскую и организационную деятельность в войсках и в военно-учебных заведениях, причем в своей деятельности военные организации руководствуются указаниями Центрального Комитета и местных партийных комитетов, которым съезд на основании опыта последних лет ставит на вид, что несвоевременные военные вспышки ведут к бесполезной растрате революционной энергии.

III) «О партизанских действиях». Вынесена резолюция, согласно коей съезд постановил: 1) признавая наряду с подготовкой революционных сил к грядущему восстанию, в основе которой лежит организация рабочих масс, неизбежность активной борьбы против правительственного террора и насилий черносотенцев, необходимо: а) бороться против выступлений отдельных лиц или групп с целью захвата денег под именем или девизом социал-демократич. партии; б) избегать нарушений личной безопасности или частной собственности мирных граждан, за исключением тех случаев, когда это является неизбежным результатом борьбы с правительством или, как, например, при постройке баррикад, вызывается потребностями непосредственной борьбы, причем съезд отвергает экспроприацию денежных капиталов в частных банках и все формы принудительных взносов для целей революции; в) разрушение и порчу казенных зданий, железных дорог и других сооружений казенных и частных производить только в тех случаях, когда с этим сопряжена непосредственно боевая цель; г) капиталы Государственного Банка, Казначейств и других правительственных учреждений не захватывать, кроме как в случае образования органов революционной власти в данной местности и по их указанию; при этом конфискация народных денег, собранных в казенных учреждениях, должна происходить при полной отчетности; оружие же и боевые снаряды, принадлежащие правительству, захватывать при всех удобных случаях.

В мае 1907 г. в Лондоне состоялся V съезд, получивший название Лондонского. На этом съезде присутствовали 302 делегата, избранные организованными рабочими всей России. На этом съезде впервые присутствовали делегаты объединившихся с Рос. Социал-Демократической Раб. партией национальных социал-демократических организаций Польской социал-демократии, Бунда и Социал-демократии Латышского края. Лондонский съезд рассмотрел целый ряд важнейших с соц.-дем. точки зрения вопросов русской политической жизни. Особенно большое значение имел вопрос «об отношениях к непролетарским партиям». В принятой резолюции отношение соц.-дем. к непролетарским партиям определи-

лось следующим образом: с.-д. должна вести непримиримую борьбу с черносотенными реакционными партиями, выражающими интересы крепостнического землевладения и поддерживающими царизм; беспощадную борьбу должна вести также с.-д. с партиями, представляющими интересы главным образом отсталых слоев крупной буржуазии (как, напр., с Союзом 17 октября), так как эти партии вполне стали на сторону контрреволюции и стремятся установить исключительно для себя конституцию цензовую и антидемократическую, лишаящую широкие массы народа всякого участия в политической жизни страны. Что касается либерально-монархической буржуазии, главным образом кадетов, то соц.-демок. должна разоблачать их мнимый, лицемерный демократизм, должна указывать перед всем народом на защиту ими интересов буржуазии и на стремление их путем сделки с царизмом подавить революцию; должна вырывать из-под влияния обманываемую ими мелкую городскую и сельскую буржуазию. Отношение же с.-д. к народническим или трудовым партиям (народным социалистам, трудовикам) определяется так: с.-д. должна доказывать, что эти партии, в сущности, тоже буржуазные, несоциалистические, но вместе с тем она обязана в борьбе за демократический строй привлекать их на свою сторону и вырывать их из-под влияния кадетов. При совместных действиях с этими партиями невозможны никакие отступления от с.-д. программы и тактики, и целью единения с ними является только общий натиск против реакции и против предательской политики либеральной буржуазии.

Второй подвергшийся обсуждению вопрос – «об отношении к Государственной Думе». По этому вопросу была принята резолюция, согласно коей с.-д. обязана в думской своей деятельности прежде всего объяснить народу полную непригодность лишенной всякой власти Думы как средства осуществить требование пролетариата и революционной мелкой буржуазии, в особенности крестьянства. К этой первой задаче с.-д. в Думе присоединяется вторая: с.-д. в Думе должна объяснить народу неизбежность открытой борьбы народных масс с вооруженной силой самодержавия для завоевания всенародного полномочного Учредительного собрания. Та же резолюция указывает затем и средства, какими с.-д. в Думе должна достигнуть этих целей.

Пропаганда, агитация, организация – вот способы действий, обязательные для с.-д. думской фракции. При этом фракция ни на минуту не должна забывать о том, что общий характер думской борьбы должен быть подчинен всей борьбе пролетариата. Особенно важно использовать массовую экономическую борьбу, служить интересам которой – первая задача представителей пролетариата в Гос. Думе. В частности, съезд обратил внимание на два либерально-примиренческих лозунга, играющих видную роль в кадетской тактике; эти лозунги: «беречь Думу» и добиваться подчинения исполнительной власти Думе. По поводу первого лозунга съездом дано указание в том смысле, что с.-д. не должна несвоевременно вызывать обострение конфликта с самодержавием, ни искусственно предотвращать или отсрочивать его; необходимо считаться исключительно с ходом развивающегося революционного кризиса, что же касается подчинения исполнительной власти Думе (ответственного министерства), то им нельзя подменять борьбу за Учредительное собрание; и вообще совершенно невозможно выставлять этот лозунг как свой, потому что он затемняет демократическое сознание масс и выражает стремление либеральной буржуазии к сделке с самодержавием.

Приняв эти решения, съезд вынес резолюцию и о деятельности с.-д. думской фракции. Съезд признал, что фракция в общем и целом стояла в своей деятельности на страже интересов пролетариата в согласии с директивами съезда и под руководством Центрального Комитета. В частности, в особых резолюциях съезд указал на недопустимость солидарности с инородцами и на необходимость энергичной борьбы против черносотенного национализма и против угнетения различных национальностей.

Предметами дальнейших занятий съезда были вопросы о рабочем съезде, о «партизанских выступлениях» и об отношениях между партией и профессиональными союзами.

В резолюции о рабочем съезде и беспартийных рабочих организациях съезд указал прежде всего на необходимость усилить с.-д. работу в профессиональных союзах и привлекать все более широкие слои рабочего класса в ряды пролетарской партии; затем съезд признал желательным участие организаций с.-д. партии в беспартийных советах рабочих уполномоченных советов рабочих депутатов и съездах их представителей, а также устройство таких учреждений при условии строго партийной постановки этого дела в целях развития и укрепления с.-д. рабочей партии; наконец, съезд признал вредной для классового развития пролетариата агитацию за беспартийный рабочий съезд, которым пользуются анархо-синдикалисты для борьбы с с.-д. влиянием на рабочие массы.

Съезд высказался далее против «партизанских выступлений» и экспроприаций, поручил партийным организациям пропагандировать непригодность их и запретил членам партии участие в них и содействие им. Он постановил также, что все специальные боевые дружины, имеющиеся при партийных организациях, должны быть распущены. Но вместе с тем съезд не предпринял вопроса о формах организации вооружения масс в периоды открытых выступлений, а также для целей самозащиты.

По отношению к профессиональным союзам съезд подтвердил резолюцию Стокгольмского съезда и установил тот принцип, что одной из основных целей деятельности с.-д. в профессиональных союзах является признание профессиональными союзами идейного руководства пролетарской партии и установление организационной связи между союзами и партией; там, где позволяют местные условия, т. е. где это вредит широте и полноте профессионального движения, необходимо проводить эту цель в жизнь.

В заключение необходимо упомянуть еще о двух, заслуживающих внимания, вынесенных на этом съезде резолюциях, а именно: «о работе в армии» и об объединении с армянской с.-д. организацией. По первому вопросу съезд признал необходимым усилить организационную и агитационную работу в армии и всесторонне осветить вопросы, связанные с этой работой, и поручить Центр. Комитету создать возможно более полную конференцию военных организаций РСДРП и обратить серьезное внимание на издание органа и с.-д. агитационной литературы для солдат и рабочих. По второму вопросу съезд, принимая во внимание, что комиссия по организационным вопросам признала представленный армянской с.-д. рабочей организацией проект с внесенными в него комиссией поправками в общем и целом приемлемым в качестве основы для объединения, поручил Центральному Комитету осуществить это объединение в возможно скором времени.

Последовавший 3 июня 1907 г. роспуск Госуд. Думы 2-го созыва и изданный временно новый закон о выборах в Думу явились главнейшим поводом созыва «Всероссийской конференции РСДРП» для обсуждения вопроса об отношении партии к выборам в III Думу, каковая конференция и состоялась в Выборге 20 июля 1907 года. Незадолго до этой конференции в пределах империи состоялись почти повсеместно предварительные конференции местных организаций, на которых был подвергнут обсуждению вопрос о выборах в Думу. Общероссийская конференция, отвергнув бойкот выборов и решив предоставить выработку избирательной платформы Центр. Комитету, признала: 1) что необходимо принять участие в избирательной кампании в 3-ю Думу и 2) что в избирательной кампании в самой Думе с.-д. должна распространять и укреплять в сознании народных масс идеи социализма и революционные лозунги и вести решительную борьбу как против реакции, так и против гегемонии кадетов в освободительном движении вообще и в Думе в частности. Помимо изложенного вопроса, на конференции этой обсуждался еще вопрос об отношении к профессиональным союзам, причем конференция, приглашая всех членов партии энергично выполнять резолюцию Лондонского съезда о профессиональных союзах и неуклонно содействовать признанию профессиональными союзами идейного руководства партии, постановила: 1) чтобы каждый член партии был одновременно членом профессиональных союзов и

старался, чтобы все члены союзов были одновременно членами партии, и 2) чтобы партийная организация и партийная печать самым усердным образом изучали и обсуждали вопросы жизни и борьбы профессиональных союзов.

II

Развал партии в 1907–1908 гг. • Борьба между «большевиками» и «меньшевиками». • Пленарные заседания Центр. Ком. в Женеве в августе 1908 г. • «Общерусская конференция» в Париже в декабре 1908 г. • Резолюции конференции.

Принятые правительством в 1907 и 1908 годах меры по отношению к революционным партиям повели к значительному разгрому существующих в России с.-д. организаций и вынудили представителей РСДРП перенести свою центральную организацию за границу и отправить туда литературные силы для восстановления издательства партийных органов.

Центр партии и отдельные центры большевиков и меньшевиков держались еще в 1907 г. в Финляндии, но усиление розыска и на этой окраине принудило с.-д. бежать за границу и избрать местом своего пребывания преимущественно Женеву. Независимо от сего беспрерывное бегство революционеров – интеллигентов и рабочих повело к возрождению в целом ряде заграничных городов (швейцарских, бельгийских и в Париже) «заграничных групп содействия», выросших в многочисленные сообщества. Поселившиеся в Женеве большевики стали выпускать еженедельную газету «Пролетарий», причем в состав редакции вошли Ленин, Богданов, Луначарский, Алексинский и Дубровинский; меньшевики начали там же издавать периодически «Голос Соц.-Демократа», редакцию коего составили Плеханов, Мартов, Аксельрод, Дан (Гурвич), Мартынов (Пиккер), и, кроме того, в «Голосе Соц.-Дем.» приняли участие Хрусталева, Френкель, Адамов (Аксанов) и Волонтер (Вельтман). Затем в Женеве в 1907 году образовалось меньшевистское заграничное «Бюро», в состав коего вошли Алексинский, Чичерин, Бухгольц, Житомирский, Сережников и Петров.

Переселившись за границу, большевики и меньшевики начали вновь вести фракционную борьбу. С одной стороны, разгоралась чисто идейная борьба на почве вопросов дня. Так, вновь была начата полемика по вопросу о нейтральности профессиональных союзов, отстаиваемой меньшевиками, и еще более по вопросу о созидании и поддержке легальных рабочих организаций (кооперативы, кассы, школы, лекции и т. д.), против чего большевики повели усиленную борьбу. С другой стороны, обе фракции повели усиленную борьбу в области организационного господства в партии, каковая, несмотря на то что обе стороны не желают брать на себя инициативы раскола, все же неминуемо ведет к таковому.

К концу 1908 года положение партии представлялось в следующем виде: в России меньшевики не имели никаких организаций; весь юг, где царствовали меньшевики, совершенно уничтожен репрессиями правительства, север же России и даже Кавказ находились под преобладающим влиянием большевиков. Большую роль в исчезновении в России меньшевистских организаций сыграло также присутствие среди меньшевиков значительной части интеллигенции, которая бежала за границу и основала там новую базу меньшевиков – «заграничные группы содействия». Таким образом, меньшевики в России теперь не имеют ни людей, ни средств. Большевики, наоборот, сохранили в России (весь север, центр, восток и Кавказ) опорные пункты, имеют в своих руках Центральный Комитет – орудие огромного организационного и технического влияния и воздействия на русские организации. Тем не менее, однако, меньшевики, находящиеся за границей в большем числе в сравнении с большевиками, повели осенью 1908 г. борьбу против большевиков и Центрального Комитета за границей, захватили в свои руки Заграничное Центральное Бюро, являвшееся органом «заграничных групп», и начали агитировать за то, чтобы из доходов групп отдавать Центр. Комитету 5–10%, а остальные суммы относить на издание органа меньшевиков «Голос Соц.-Дем.». Ввиду такого положения вещей Центр. Комитет устроил в августе 1908 г. в Женеве

ряд пленарных заседаний Центрального Комитета РСДРП, на которых были обсуждены следующие вопросы:

1) Предложение меньшевиков о реорганизации Центр. Комитета и о превращении его в «Информационное Бюро» без права вмешательства в автономию местных организаций и с одинаковым представительством для всех фракций. Предложение это большевиками было провалено.

2) Об организации Центрального органа партии. По этому вопросу решено издавать Центр. орган партии, причем в состав редакции должны входить: 2 большевика, 2 меньшевика, 1 поляк, 1 бундовец и 1 латыш. Кроме того, решено избрать высшую контрольную инстанцию для партийной прессы.

3) О думской фракции. По этому вопросу решено оказывать усиленное и всяческое воздействие на партию.

4) О Центральном Заграничном Бюро. По этому вопросу большевиками было решено раскассировать Бюро и избрать новых членов в составе: 4 большевика, 4 меньшевика и 2 немца.

Кроме этих четырех пунктов, были приняты решения: 1) созвать всероссийскую конференцию до начала думской сессии и 2) назначить Заграничное Бюро Центрального Комитета из 3 членов Центрального Комитета, живущих за границей, причем в компетенцию этого Бюро переходят все представительные и агентурные функции от Заграничного Центрального Бюро, и, кроме сего, дано право присутствия на заседаниях старого Заграничного Центрального Бюро одному из членов Центрального Комитета с правом налагать свое veto. В заключение еще была организована хозяйственная комиссия для заведования средствами, устройством транспортов и издательством.

Практический результат пленарных заседаний выразился в том, что Центральный Комитет распустил заграничное Центральное Бюро и предложил группам организовать съезд для выбора Заграничного Бюро Центрального Комитета, коему группы обязаны подчиняться, а затем передавать по-прежнему все средства Центральному Комитету. Заграничное Центральное Бюро не подчинилось этому предложению и начало готовиться к съезду групп самостоятельно. Ввиду этого Центр. Комитет обратился к группам с целым рядом писем и предложил созвать весь состав прежнего Заграничного Бюро, но на состоявшемся по сему поводу совещании все борющиеся стороны не пришли к объединению, члены Центрального Комитета покинули совещание, и, таким образом, раскол фракций стал фактом.

Меньшевики выбрали свою организационную комиссию, заседавшую в Базеле в ноябре 1908 г., и начали готовить съезд своих групп, а большевики и Центр. Комитет начали агитировать за выделение большевиков в самостоятельные группы под названием «вторые партийные группы» и, кроме того, решили созвать Всероссийскую конференцию в декабре 1908 г., а в апреле 1909 г. съезд партии. Однако за несколько времени до открытия этой конференции заграничные меньшевики обратились в Заграничное Бюро Центрального Комитета с просьбой о примирении и о подчинении их Центральному Комитету, и на состоявшейся конференции присутствовали уже представители обеих фракций.

21 декабря 1908 г. в Париже открылась «Общерусская конференция», на которую были делегаты от С.-Петербурга, Москвы, Урала, Кавказа, Киева; затем были 5 представителей от Польской С.-Д., 3 делегата от Бунда, представитель думской фракции и члены Центрального Комитета. Вся конференция прошла в борьбе большевиков и меньшевиков, но в общем большевизм одержал на этой конференции по вынесенным резолюциям большую победу, свидетельствующую о том, что существующие в России организации настроены большевистски. Общий результат докладов показал повсеместный распад организаций, упадок революционного настроения в широких массах и необходимость усиленного воздействия на массы со стороны партий. Далее обсуждался вопрос о предстоящей деятельности

партии и формах, в каковые должна вылиться эта деятельность, причем в этом вопросе ясно обозначились два течения: большевизма и меньшевизма. Большевики пришли к выводу о переходе к деятельности и организации партий на началах дореволюционного периода, т. е. конспирации и нелегалыщины. Меньшевики, наоборот, признали, что «центр тяжести в легальных возможностях и только отчасти в конспирациях», что их задача сделать партию возможно широкой и что поэтому необходимо уничтожить всякие конспиративные ячейки, комитеты и даже Центр. Комитет, если они мешают этой задаче. Однако после долгих прений одержала верх большевистская точка зрения. Затем необходимо упомянуть о дебатах при обсуждении вопроса о Центр. Комитете, Центральном Органе и Заграничном Бюро Центр. Комитета. По вопросу о Центральном Комитете большевики предложили резолюцию относительно суженного состава, действующего в России и облеченного полномочиями полного состава Центрального Комитета. Меньшевики, напротив, требовали полномочий для полного состава, ссылаясь на устав партии и требуя, чтобы весь Центр. Комитет жил и работал в России. Предложение меньшевиков было провалено. По вопросу о центральном органе партии решено его издавать, хотя меньшевики выразили пожелание принимать в нем участие, и Центр. Комитету поручено обязательно взяться за его постановку. Наконец, по вопросу о Заграничном Бюро Центрального Комитета меньшевики заявили, что они не желают принимать в нем участия, и предложили превратить его в агентуру Центрального Комитета, пополняя его членами Центрального Комитета, но и эта резолюция меньшевиков была отвергнута. Конференцией приняты следующие резолюции в окончательной формулировке:

I) Резолюция по отчетам

Конференция констатирует, что Центр. Комитет партии при современных неслыханно тяжелых политических условиях и при создавшихся внутрипартийных отношениях делает все возможное, чтобы провести в жизнь политическую линию, намеченную Лондонским съездом. Конференция предлагает Центральному Комитету продолжать охранение целостности и единства партии и борьбу против дезорганизаторских тенденций внутри нее, ведущих к разрыву этого единства.

2) Констатируя, что в ряде мест замечаются со стороны некоторой части партийной интеллигенции попытки ликвидировать существующую организацию РСДРП, заменить ее бесформенным объединением в рамках легальности и во что бы то ни стало, хотя бы последняя покупалась ценою явного отказа от программы, тактики и традиции партии, конференция находит необходимым вести самую решительную идейную и организационную борьбу с ликвидаторскими попытками и призывает всех истинно партийных работников без различия фракций и направлений к самому энергичному сопротивлению этим попыткам.

3) Конференция полагает, что вполне успешная работа Центрального Комитета возможна только в том случае, если меньшинство его будет, подчиняясь партийной дисциплине, лояльно работать в рамках одного учреждения и в его исполнительных органах, и констатирует, что отказ от таковой работы означает бойкот партии.

II) О современном моменте и задачах партии

Конференция РСДРП признает, что основными задачами партии являются в настоящий момент следующие: 1) разъяснение широким массам народа смысла и значения новейшей политики самодержавия и роли социалистического пролетариата, который, ведя самостоятельную классовую политику, должен руководить демократическим крестьянством в современной политике и предстоящей революционной борьбе. Целью этой борьбы является по-прежнему свержение царизма, завоевание политической власти пролетариатом, опирающимся на революционные слои крестьянства и совершающим буржуазно-демократический

переворот путем созыва Всенародного Учредительного Собрания и создания демократической республики.

2) Всестороннее изучение и широкая популяризация опыта массовой борьбы в 1905–1907 гг., давшего незаменимые уроки, подтвердившие правильность революционно-социал-демократической тактики.

3) Укрепление РСДРП, как она сложилась в революционную эпоху: ведение по-прежнему непримиримой борьбы как с самодержавием и реакционными классами, так и с буржуазным либерализмом.

4) Использование Думы и думской трибуны для революционной с.-д. пропаганды и агитации.

5) На очередь дня выдвигается прежде всего длительная работа воспитания, организации и сплочения сознательных масс пролетариата. Затем, в подчинение этой задаче, необходимо распространение партийной работы на крестьянство и армию, особенно в форме литературной пропаганды и агитации, причем главное внимание должно быть обращено на социалистическое воспитание пролетарских элементов в крестьянстве и армии.

III) О думской с.-д. фракции

Конференция РСДРП находит, что:

1) В своей дальнейшей деятельности фракция должна служить партии в духе, указанном Лондонским съездом, и в согласии с директивами Центрального Комитета партии.

2) Основной задачей фракции в контрреволюционной третьей Думе является служить в качестве одного из органов партии делу с.-д. пропаганды, агитации и организации, отнюдь не становясь на путь так называемого положительного законодательства и погони за мелкими мнимыми реформами и не ограничиваясь выступлениями только по вопросам, выдвигаемым думским большинством, всячески стараться подымать в Думе вопросы, волнующие рабочие массы и партию.

3) В интересах выполнения этих агитационно-пропагандистских задач фракции необходимо в возможно близком будущем:

а) внести в Думу самостоятельные проекты рабочего законодательства (8 часов рабочий день, свобода союзов и стачек, страхование рабочих и т. п.);

б) в той или иной форме подымать возможно чаще вопрос о наступлении капитала в области экономической, связывая его с изменившимся соотношением сил в политической борьбе, вопрос о безработице в городах и голодовке в деревнях и т. п.;

в) внести ряд законопроектов, выдвигающих требования программы-минимум, придавая этим законопроектам популярную форму, доступную широким слоям народа;

г) начать энергичную агитацию против контрреволюционной внешней политики правительства и поддерживающих его партий, а также против тех империалистических и националистических стремлений, которые усваивают себе кадеты и часть октябристов;

д) фракция должна раскрывать и клеймить с думской трибуны политику правительства и думского большинства в национальном вопросе, постоянно обращать внимание на национальные вопросы внутри государства и энергично поддерживать выставленные партийной программой требования в защиту прав угнетенных народностей;

е) в той или другой форме поднять вопрос о положении армии и дать защиту требований, выдвинутых в дни революционного подъема солдатами и матросами;

ж) выступая на защиту местных, хотя бы мелких и частных нужд населения, фракция должна связывать эти частные нужды с общими требованиями партии и ставить своей задачей обнаруживать перед народом невозможность сколько-нибудь удовлетворительного разрешения местных нужд при современном режиме и отказываться от поддержки тех из местных требований, которые противоречат общим интересам пролетариата;

з) по вопросу о бюджете конференция полагает, что голосование за бюджет в целом признается принципиально недопустимым. Голосование за отдельные статьи бюджета классового государства, узаконяющие расходы на орудия угнетения масс (войско, полиция, администрация, суды и т. д.), признается также недопустимым. При голосовании за реформы или за статьи о расходах на культурные потребности в основание следует положить тот принцип программы, по которому с.-д. отвергают те реформы, которые связаны с полицейско-чиновничьей опекой над трудящимися классами.

Поэтому общим правилом должно быть голосование против проводимых в 3-й Думе так называемых реформ и статей расходов на так называемые культурные потребности. В тех же исключительных случаях, когда имеются серьезные шансы на улучшение положения рабочих и низших служащих или на действительное удовлетворение культурных потребностей широких масс населения, – фракция, смотря по обстоятельствам, воздерживается (с внесением особой мотивировки) или голосует за, обсудив предварительно вопрос с Центр. Комитетом и представителями партийных и профессиональных организаций;

и) фракция должна связаться возможно теснее со всеми местными и национальными партийными организациями, с с.-д. группами, действующими внутри профессиональных союзов и др. рабочих организаций, с самими этими союзами и организациями; выступать на рабочих собраниях и вообще расширять по возможности свою внедумскую деятельность.

Конференция далее обращает внимание всех местных и национальных партийных организаций и Центр. Комитета партии на то, что недостаточное их содействие фракции, имевшее место до сих пор, в значительной степени затрудняло ей деятельность, и считает необходимым, чтобы все партийные организации а) доставляли во фракцию всяческие сведения о положении рабочих, действиях администрации и объединенного капитала, материалы для запросов и речей, давали систематические деловые указания относительно предстоящих шагов фракции и деловую критику прошлых ее шагов, б) распространяли в массах речи, запросы, законопроекты и отчеты фракции, дополняя и используя ее выступления в массовой агитации, в листках и проч.

IV. Об объединении национальных организаций на местах

1) Конференция предлагает Центральному Комитету принять меры к проведению объединения местных организаций партии во всех тех областях, где оно до сих пор, вопреки решению Стокгольмского съезда, не произошло.

2) При этом конференция находит, что объединение это должно исходить от принципа единства с.-д. организации во всякой отдельной местности, и решительно высказывается против того, чтобы в основу объединения был положен принцип федерализма.

V. О работе Центрального Комитета

1) Конференция одобряет постановления Центрального Комитета, который в силу создавшегося положения вещей должен был создать в России орган сокращенного состава, облеченный всеми правами пленарного состава Центрального Комитета.

2) Вновь выдвигающиеся принципиально-тактические вопросы, по мнению конференции, должны по возможности рассматриваться в пленуме Центрального Комитета и только в случаях абсолютной неотложности разрешаются сокращенным составом Центр. Комитета.

3) Конференция предлагает Центральному Комитету путем более частых объездов членами Центрального Комитета, путем рассылки агентов от сокращенного состава ЦК, действующего в России, и путем улучшенной постановки письменных сношений усилить контроль и связь с местными, областными и национальными организациями.

4) В силу значения работы партии за границей и ввиду наличности за границей массы трений и дезорганизаторской оппозиции деятельности Центрального Комитета, конферен-

ция считает полезным и необходимым существование за границей общепартийного представительства в форме Заграничного Бюро Центрального Комитета.

VI. О конфликте с частью заграничных групп содействия

Конференция признает вполне правильными постановления пленарного заседания Центрального Комитета о постановке работы за границей и предлагает Центральному Комитету во имя единства партии приложить все усилия для устранения раскола за границей и для борьбы против дезорганизаторских тенденций за границей.

VII. По организационному вопросу

Конференция находит: 1) партия должна обратить особое внимание на использование и укрепление существующих и учреждение новых, нелегальных, полулегальных и, по возможности, легальных организаций, которые могли бы служить ей опорным пунктом для агитационной, пропагандистской и практически организационной работы среди масс, как-то: заводские собрания, пропагандистские кружки, нелегальные и легальные профессиональные союзы, клубы, разные просветительные рабочие общества и т. д. Вся эта работа окажется возможной и плодотворной лишь в том случае, если в каждом промышленном предприятии будут существовать чисто партийные, хотя бы немногочисленные, рабочие комитеты, тесно связанные с массами, и если вся эта работа в легальных организациях будет вестись под руководством нелегальной партийной организации; 2) для объединения партийной работы на местах необходимо а) образовать в каждой области центры, которые должны оказывать не только техническую поддержку местным организациям, но и помогать последним в идейном руководстве и восстанавливать их в случае провала; б) установить самую тесную связь местных и областных организаций с Центральным Комитетом; в) для обеспечения непрерывного и правильного функционирования местных организаций допустимо частное применение принципа кооптации, причем кооптированные члены должны быть при первой возможности заменены товарищами, законно выбранными на основании устава. Что же касается содержания организационной работы, то конференция находит, что помимо политической и экономической агитации в связи с современным моментом, на которую указывается в резолюциях о задачах партии и о думской фракции, партия должна обратить особенное внимание на углубление с.-д. мирозерцания среди широких кругов партийных работников, в частности на выработку практических и идейных руководителей соц.-дем. движения из среды самих рабочих.

VIII. О созыве партийного съезда

Ввиду того что согласно организационному уставу партийный съезд должен был состояться уже летом истекшего года и что на опрос Центрального Комитета часть местных организаций отозвалась в вопросе о созыве съезда одобрительно, конференция предлагает Центральному Комитету произвести анкету по местным организациям по вопросу о сроке созыва съезда и о желательном модусе выборов на съезд.

Ввиду изменившихся условий партийной работы, конференция полагает, что окажется необходимым изменение норм представительства на съезде, и предлагает Центральному Комитету при выработке модуса представительства руководствоваться исключительно результатами анкеты, ограничиваясь подсчетом голосов.

При этом результаты анкеты должны быть опубликованы не позже как через 5 месяцев после утверждения данного решения Центральным Комитетом.

[На этом кончается «обзор» с.-д-ской партии, составленный в Департаменте Полиции.]

III

Течения среди соц.-демократии в 1909 г.: «отзовисты», «антиотзовисты» и «ликвидаторы». • Борьба «ленинцев» с «отзовистами». • Школа пропагандистов на о. Капри. • Пленарные заседания Центрального Комитета в Париже в 1910 г. • Выступления против к-та меньшевиков и группы «Вперед». • Положение дел в «верхах» партии к середине и к концу 1910 г. • Школа пропагандистов в Болонье.

[О существовавших в 1909 г. среди заграничных социал-демократов течениях обстоятельно рассказывает циркуляр Д-та Пол. № 105405 от 30 января 1910 г.]

К середине 1909 г. в РСДРП ясно обозначились следующие группировки:

I) Левая – большевистская группа «максимовцев», или «богдановцев», во главе коей стоят Богданов (он же Максимов), Горький, Лядов, Алексинский, Строев, Никитич и Станислав.

II) Центр – большевистская группа «ленинцев», соединившаяся с меньшевистской группой «плехановцев».

III) Крайняя правая – меньшевистская группа «ликвидаторов» во главе с Даном, Мартовым и Потресовым. Наиболее острым вопросом в РСДРП в настоящий момент является борьба «отзовистов» с «ленинцами»-«антиотзовистами» из-за теоретических и принципиальных взглядов на «будущее партии». Ближайшим поводом возникновения разногласий послужила история со школой пропагандистов на острове Капри...¹⁰

Остановившись затем на разборе существа выработанных «максимовцами»-«отзовистами» и «ленинцами»-«антиотзовистами» платформ, надлежит признать, что в основе обеих платформ лежит мысль о том, куда должна держать курс партия: «на новую революционную волну» или же «на органическое развитие». Защитниками первого положения являются «максимовцы», а второго «ленинцы», и в зависимости от принятого курса каждая из этих групп развивает свои взгляды на общие обеим им вопросы, из коих главных три: 1) о Госуд. Думе; 2) о боевых задачах и 3) о нелегальной организации.

Для придания возможно большей рельефности в проводимой обеими группами работы в разбираемых вопросах отношение этих групп к вышеозначенным вопросам может быть представлено в следующем виде:

¹⁰ [Далее идет изложение истории школы, которое мы опускаем, так как об этом же подробнее рассказывают документы, печатаемые нами здесь ниже.]

«Максимовцы»- «отзовисты». <i>Курс «на революцию»</i>	«Ленинцы»- «антиотзовисты». <i>Курс «на органическую работу»</i>
Отношение к Госуд. Думе	
Центр деятельности партии в нелегальной работе. Государственная Дума может лишь косвенно служить средством для подготовки народа к прямой революционной борьбе; при реакционной Думе использование последней изнутри не только вопрос очень сложный, но даже и опасный.	Центр деятельности партии — в Госуд. Думе и «легальных возможностях», и главная задача — использование таковых в возможно большей степени; самый отзовизм и агитация за бойкот Думы представляется для партии вредным делом.

Отношение к новым задачам	
Безусловная необходимость теоретической и практической подготовки к разрешению этих задач; создание, сохранение и усиление военных организаций и деятельная пропаганда в войсках.	Принципиальное отрицание в настоящий момент существования подобных задач и связанных с ним мыслей о восстании и вооруженной борьбе.
Отношение к нелегальной организации	
Сохранение нелегальной организации, но последнюю необходимо приспособлять исключительно к нелегальным функциям и задачам; работу же думской фракции и вообще легальную нужно подчинять потребностям нелегальной организации. Главная роль, таким образом, принадлежит местным нелегальным организациям, думская же фракция ультимативно подчиняется партийным центрам.	Сохранение, укрепление и развитие нелегальных организаций, но последние должны приспособляться к думской работе и к «легальным возможностям». Главная роль, таким образом, принадлежит думской фракции, которой подчинен Центр. Комитет партии и местные группы и организации.

[О борьбе «ленинцев» с «отзовистами» повествует донесение Нач-а СПб. Ох. Отд. в Д-т Пол. от 28 марта 1909 г.]

По полученным отделением сведениям, проживающий за границей член и кассир Центрального Комитета инженер-технолог Красин «Никитич» достал для партии около 200 000 р. Источник получения этих денег пока неизвестен, но возможно, что это результат размена денег, ограбленных в Тифлисе в 1907 г.

Стоя во главе «отзовистов», левого крыла группы большевиков, и сплотив возле себя известных Д-ту Пол. Лядова, Алексинского, Марата, Богданова, Максима Горького и Менжинского, Красин в настоящее время ведет энергичную отзовистскую кампанию и из вышеупомянутых денег самовольно удержал 140 000 р., которые и будут использованы на пропаганду «отзовизма», включая и самостоятельную типографию для той же цели.

Правое крыло большевиков во главе с Лениным, протестуя против нарушения партийной программы и захвата Красиным партийных денег, организует за границей в самом непродолжительном времени съезд большевиков-неотзовистов.

На означенный съезд поедут: от Петербурга – Мешковский, Самары – Рыков, Одессы – Орловский, Тамбова – Линдов и от Киева – Свидерский.

[Дело МОО № 745–1908 г.]

[О том же рассказывает и сообщение Д-та Пол. Нач-у Моск. Ох. Отд. от 24 июня 1909 г.]

По имеющимся в Департаменте Полиции данным, в настоящее время за границей истинным руководителем социал-демократической партии является не Центральный Комитет, а тайный Большевицкий Центр, причем члены последнего – Богданов, Марат и «Никитич» перешли к критике политики Большевицкого Центра, склонились к отзовизму и ультиматизму и, захватив крупную часть похищенных в Тифлисе денег, начали заниматься тайной агитацией против Большевицкого Центра вообще и отдельных его членов в частности. Так, они открыли школу на острове Капри у Горького, куда выписывают рабочих, обучают их и направляют в Россию.

Кроме того, они агитируют против Большевицкого Центра и письмами через некоего «Станислава» (Москва) в русских комитетах. На днях должны состояться в Париже заседания Большевицкого Центра, куда в качестве представителя от московского района прибыл Шулятиков («Донат») – маленького роста, лохматый, с рыжеватой бороденкой, алкоголик с ярко-красным носом. На двух состоявшихся собраниях единомышленников Ленина, на которых отсутствовали Богданов, Марат и «Никитич» (Красин), было постановлено выработать резолюцию, которую и предложить Большевиickому Центру для принятия. Резолюция будет такого содержания, чтобы заставить сторонников Богданова либо совершенно отколоться, или вполне подчиниться большинству.

[Дело МОО № 1905–1908 гг.]

[По имевшимся у Нач. Моск. Охр. Отд. агентурным сведениям, многое из сообщенного ему Департаментом оказывалось неверным, о чем он и счел нужным поставить в известность Департамент.]

Директору Д-та П. 7 июля 1909 г.

Имею честь донести Вашему Превосходительству, что, по имеющимся во вверенном мне Отделении агентурным сведениям, у Богданова, Марата и «Никитича» (Красина) идут, отчасти на почве философского и тактического разногласия, а главным образом на личной почве, трения с Лениным и главным образом с «Виктором» (вероятно, Лозинским). Последний, вопреки положительному отношению 3-х названных лиц к Большевиickому Центру, хочет вызвать раскол и обвиняет их в отзовизме и ультиматизме, а равно и в похищении денег.

Никакой агитации против Большевицкого Центра указанные три лица не ведут; школа открывается не на похищенные в Тифлисе деньги, а на деньги, пожертвованные Горьким и другими лицами, которые дали пожертвования исключительно на это дело. Школа открывается Горьким, Луначарским, Алексинским, Богдановым и находящимся ныне в Москве Михаилом Вилоновым. Марат и «Никитич» участия в открытии школы не принимают.

Похищенные в Тифлисе деньги не передаются в Большевицкий Центр из недоверия к «Виктору»; они будут переданы этому центру на съезде.

Письма в Москву шли действительно через «Станислава Вольского», арестованного в Москве. В этих письмах Богданов и бывший тогда за границу Михаил Вилонов хотели добиться утверждения школы местными организациями помимо центра.

Отзовистская кампания поднята Лениным и «Виктором», первый взял на себя теоретическую часть, а «Виктор», ради личных корыстных целей, практическую, путем разных интриг.

«Станислав» – сторонник отзовизма, но он, как и другие представители отзовистского течения, всеми силами старается избежать раскола в Большевицском Центре.

Заседание Большевицкого Центра совместно с представителями от областей состоялось в мае месяце, и представитель от Московской области Шулятиков (в организации «Донат», а в наблюдении «Гнедой») вернулся уже давно. На этом совещании разбирались различные вопросы.

[Один из учеников школы на Капри был служивший в Охр. Отделении Андр. Серг. Романов (охранная кличка «Пелагея»), в агентурной записке от 8 марта 1910 г. рассказавший историю этой школы. Вот эта «записка».]

Весной минувшего 1909 г. среди пребывающих за границей партийных интеллигентов возникла мысль об организации особой школы для подготовки опытных и серьезных профессионалов из рабочей среды; главным основанием для организации подобной школы являлось, с одной стороны, желание дать возможность принять активное участие в наиболее ответственной деятельности самих рабочих, а с другой – отсутствие должного числа опытных интеллигентных руководителей. Лицами, проектировавшими организацию этой школы, оказались: Горький, который взял на себя обязанности по изысканию необходимых для осуществления проекта средств, Богданов (он же Максимов), Луначарский, Алексинский и Лядов, позднее к ним присоединились Покровский и Вольский. Задачей устроителей школы, что было и одобрено резолюциями поместных партийных организаций, являлось желание дать партии необходимое количество опытных работников, не вводя последних в период обучения в дебри фракционных, идейных и иных течений, в текущий период волнующих умы членов партии; словом, предполагалась школа строго партийная, без каких-либо фракционных оттенков и направлений. Собранные на школу средства были скудны и рассчитаны таким образом, что хватить их могло лишь при том условии, если время обучения будет ограничено максимум четырьмя месяцами; комплект учащихся, сообразно материальным и техническим условиям, также ограничивался возможностью пригласить на первый раз в школу не более 12–15 чел. слушателей; предпочтение в праве первыми прислать в школу своих представителей отдано было партийным организациям Центр. промышл. района, каковой считается наиболее серьезным и особенно важным в партии.

Хотя при открытии школы и предполагалось, что школа должна носить характер исключительно общепартийный, а не фракционный, однако на деле в школе произошел раскол: вышеназванный Богданов (он же Максимов), а за ним и остальные учредители школы, включительно до Горького, в конце концов не выполнили своей задачи и придали школе фракционный оттенок, усвоив себе и сообщив обучающимся в школе особый и несогласный с центром партии взгляд на оценку текущего момента; они оказались левее б-ков, настаивают, в частности, на необходимости спешной военно-технической работы в рядах армии и были названы позднее группой «Вперед». К взгляду Богданова и его единомышленников не согласились присоединиться не выходявшие из директив партии и следовавшие общему партийному течению пять учеников: «Староверов», «Василий», «Аля-Алексинский», «Пахом» и «Фома»; все они были исключены из школы. Эту пятерку центр пригласил в Париж, где ими был прослушан ряд лекций, читанных «Лениным», «Григорием», «Иннокентьевым», «Каменевым» и «Лозовским». Из Парнаса пятерка направилась в Россию, перешла при помощи бундиста «Григория» нелегально границу и приступила в пределах Империи к партийной работе. Остальные ученики школы по окончании в ней лек-

ций также побывали в Париже, прослушали там ряд таких же лекций и возвратились в Россию; из них лишь часть приступила к работе, а остальные лишь собираются сделать это¹¹.

[«Агент. Записка» № 38 за 1910 г.]

[Кроме этих документов в архиве дел б. М. Ох. Отд. имеется еще копия письма от 17 ноября 1909 г. в Цент. Ком. РСДРП пяти исключенных из школы учеников, подробно излагающих историю своего исключения. Приводим это письмо, опустив из него начало, заключающее в себе сведения об организации школы и ее задачах, уже известные из приведенных выше документов.]

Более двух месяцев мы работали в школе и в течение этого времени, а особенно на 3-м месяце, убедились, что намеченные комитетом школы и нашими организациями лекторы отказываются читать лекции, одни по недостатку времени, другие – считая, что школа фракционная. Последнее заявление, между прочим, сделал и тов. Рязанов.

Видные вожди б-ков и м-ков, как Ленин и Мартов, не могли читать лекции потому, что школа находилась далеко от их работы и от центра партийной жизни. Мы не будем здесь разбирать, почему инициаторы школы, взявшие на себя ответственность за организацию той части дела, которая приходилась на границу, поставили школу в такое положение, которое объективно не позволило партийным теоретикам и практикам принять в ней участие, – такой разбор должны сделать наши организации. Мы же лишь констатируем факт, что из всех лекторов здесь читают только Богданов, Луначарский, Горький, Алексинский и «историк» Лядов (последний, между прочим, не выставлялся ни в одном из списков лекторов, предложенных организациями). В начале открытия школа выпустила листок, под которым мы все подписались, заявлявший о том, что школа преследует чисто партийные цели и не связывает себя ни с одним фракционным течением. В конце 3-го месяца ясно обнаружилось, что в школе организовалась фракция, специально работающая над платформой, правда не на лекциях в школе, а в свободное от занятий время. Обойти молчанием этот факт в своих отчетах мы, рабочие, не могли и в последних письмах сообщали в Расш. Ред. «Пролетария» и в пославшие нас организации все, что знали. На последнем собрании 30–31 октября совет школы предъявил нам ультиматум, во-первых, чтобы мы назвали ложными те выводы, которые сделаны из наших писем ред. «Пролетария», во-вторых, чтобы мы признали, что отчеты школы составляются объективно, и, в-третьих, чтобы мы заявили, что платформа разрабатывается по инициативе слушателей. Свой ультиматум Сов. школы подкрепил угрозой нашего исключения из школы, т. е. мы исключаемся в том случае, если не подпишемся под предъявленными заявлениями. На это мы ответили следующим: 1) При посылке писем в Расш. Ред. «Пролетария», а также в местные организации мы руководствовались директивами пославших нас организаций, ясно и определенно заявивших, во-первых, требование иметь от нас отчеты, возможно полнее освещающие школьные работы, во-вторых, обязавших нас считать идейным руководителем БЦ и, в-третьих, точно указавших нам, что мы посылаемся в партийную школу за получением теоретической подготовки; 2) если теперь, после выпуска отдельного оттиска № 50 «Пр.», Сов. школы считает нас виновниками тех выводов, которые сделал из наших писем «Пр.», и ставит на основании этого своего мнения вопрос о необходимости вышибить нас из школы, то мы, с своей стороны, должны заявить следующее: 1) Целью нашего коллективного письма было лишь желание выяснить БЦ и пославшим нас

¹¹ Кроме названных Романовым пяти учеников ц. ДП от 10.X.1909 г. называет еще четырех учеников из Москвы: от Рогожского района – мещанина гор. Кадома Тамбовск. губ. Ивана Григорьевича Баташева, от Замоскворецкого района – крест. Московской губ. Михаила Иванова Лобанова, от Лефортовского района – мещанина Петровской слободы Богородского у., Московск. губ. Михаила Косарева и от Бутырского района – крест. Вятской губ. и уезда, Кетинской вол., д. Сырдева Ивана Иосифова Бабинцева.

организациям, что группа слушателей (7) и лекторы школы стали на путь отступлений от прямых задач школы, намеченных ею раньше, в период ее организации; фактами, обосновывающими это наше мнение, мы считаем, с одной стороны, все время проводимую систематическую борьбу против идейного руководителя большевистских организаций России – БЦ, которая выразилась в ряде нападок и прямых клевет, подрывающих престиж руководящей организации, а с другой – работу группы слушателей и состава лекторов над платформой. Все, вместе взятое, мешает, по-нашему, спокойному ходу дел, препятствует школьным теоретическим работам, ради которых мы только и посланы сюда. 2) Ответственность за выводы ред. «Прол.» из наших писем мы взять на себя не можем. Мы отвечаем перед партией только за свои сообщения – не больше, а во всех своих сообщениях мы никогда не заявляли организациям, а также БЦ о фракционном направлении лекций. Наоборот, мы признавали и признаем полезным и необходимым для нас все знания, которые получаются из лекций и лекторов школы. 3) Мы, как личности, после нанесенных нам на Совете оскорблений, не могли бы продолжать работы в школе, но как члены организаций, обязанные подчиняться их директивам, мы остаемся в школе и слушаем лекции впредь до получения извещений от организаций о их решении и дальнейшем поведении. Приняв это, подписанное нами, заявление, Сов. школы постановил исключить нас из школы. Последнее постановление Совета школы мы решили обжаловать в ЦК, и ввиду этого решения мы теперь спрашиваем вас, товарищи, какое преступление мы сделали для того, чтобы Совет школы имел право наложить на нас позорное клеймо исключенных из партийной школы, из учреждения, специально предназначенного, по директивам наших организаций, давать теоретические знания? Где те проступки, за которые мы могли бы быть лишены возможности учиться в пропагандистской школе? Неужели мы виноваты в том, что правдиво давали отчеты о своих действиях в жизни школы?

С каких это пор, товарищи, нас, рабочих, стали шить из партийно-просветительных учреждений лишь за то, что мы исполняли партийную дисциплину по отношению к пославшим нас организациям и их руководящим органам. Дальше, товарищи, войдите в наше положение и определите – насколько оно хорошо и удобно. Нас послали учиться организации, и мы затратили массу партийной энергии, прежде чем мы добрались до школы; здесь очутились на положении ссыльных, совершенно оторванных от действующих заграничных центральных организаций. Единственная наша надежда была – получить знания и приехать на места работниками. С этой надеждой мы жили здесь, на маленьком, проклятом, полном темных дел острове, а теперь жестокое решение партийно-бесконтрольного совета выбрасывает нас из школы и говорит нам: вся ваша энергия потрачена даром, ваши организации ошиблись, посылая вас в школу, ибо здесь не школа, а место фабрикации новых фракционеров. Да, может быть, мы ошиблись, но неужели нашу ошибку нельзя было поправить другим путем, неужели нам нельзя было дать дослушать курс лекций и дожидаться решения нашими организациями вопроса о том, что нам делать. Мы предлагали организационный путь для решения вопроса, его отвергли и учинили над нами и нашими организациями насилие. У нас остается последнее организационное средство – это обращение с просьбой решить дело к вам, товарищи, Ц. Ком-ту РСДРП.

Представители: Моск. Орг.: Сокольничьего района «Старовер» [Панкратов], Пресне-Хамовнического «Василий» [Устинов], М. Ок. Орг. «Аля-Алексинский» [Романов], «Пахом» [Люшвин], от Орловск. Обл. Орг. «Фома» [не установлен], солидарен с товарищами «Михаил» [Вилонов].

[С 15 января по 5 февраля 1910 г. в Париже происходили пленарные заседания Ц. Комитета РСДРП, задача которых была примирить

враждующие группы, создав единый центр партии. Этим заседаниям посвящен ц. Д-та П. № 106547 от 20 февраля 1910 г.]

[...] ¹² Большевики, не принявшие платформы «отзовистов» и назвавшиеся «антиотзовистами», начали в своем органе «Пролетарий» вести агитацию: а) за полное объединение большевиков и меньшевиков-партийцев («плехановцев») и создание третьей группы «центра» и б) за решительную борьбу на два фронта, т. е., с одной стороны, против ликвидаторов и, с другой, против отзовистов-ультиматистов, и предложили партии, как средство для объединения, созвать на широких началах «Всероссийскую Конференцию», а до созыва последней устроили ряд пленарных заседаний.

Состав заседаний был представлен в след. виде: 1) большевиков 8 чел., из них 5 с решающими голосами и 3 с совещательными; 2) меньшевиков – 6, из них 4 с решающим голосом и 2 с совещ.; 3) поляков – 3, из них 2 с реш. гол. и 1 с совещат.; 4) бундистов – 2, оба с реш. гол. и 5) 1 латыш с решающим голосом.

Начавшись, по обыкновению, с выработки программы дня, определений вопросов, подлежащих рассмотрению пленума, и посвятив значительную часть времени разбору частных партийных дел, эти пленарные заседания в конце концов под влиянием, с одной стороны, «ленинцев» и «плехановцев», с другой, путем различных уступок завершились прекращением партийного брожения и созданием сплоченного «центра», причем результаты заседаний практически выразились в принятии следующих решений:

1) Большевики постановили: распустить свой фракционный центр, закрыть свой орган «Пролетарий» и передать ныне же в Центр. Комитет 45 тыс. руб., а остальные 400 тыс. в 2 срока в течение 2 лет под тем условием, если меньшевики, следуя совету Плеханова не устраивать раскола, а внутри партии бороться за влияние, действительно будут пользоваться партийным методом борьбы.

2) Единогласно принято решение о созыве Всероссийской Конференции.

3) Принято решение о реорганизации Русского Бюро Центр. Комитета, состав коего определен в 7 лиц («семерка») – 2 большевика, 2 меньшевика, 1 поляк, 1 латыш и 1 бундовец. Поименный состав «семерки»:

1) «*Мешковский*» [Иосиф Гольденберг].

2) «*Макар*», приметы его: лет 30, высокий, стройный, среднего сложения, рыжий, вьющиеся волосы, лицо розовое с веснушками, усы густые, рыжие, бороду бреет, походит на русского, хорошо говорит по-русски, интеллигент, одет хорошо, живет в Петербурге (Викт. Павл. Ногин].

3) «*Мартынов*» [Пиккер].

4) «*Абрамович*», приметы его: лет 35, ниже среднего роста, сложения среднего, темный шатен, лицо худощавое, смуглое, густые большие усы, борода по всему лицу, лопатой, носит пенсне, волосы на голове зачесаны назад, мягкие, отличный оратор, еврей, интеллигент, вид делового адвоката, живет в С.-Петербурге, входит в думскую фракцию от Бунда в качестве одного из руководителей [Рейн].

5) «*Либавский*» – латыш [не выяснен] и 2 невыясненных; причем вся «семерка» будет жить и работать в пределах России.

4) Реорганизовано Заграничное Бюро Центр. Комитета, состав коего определен в 5 лиц («пятерка»): 1 большевик, 1 меньшевик, 1 поляк, 1 латыш и 1 бундовец, причем эта «пятерка» является представительницей Рос. Соц.-Дем. Рабочей Партии только за границей. Поименный состав «пятерки» следующий: 1) «*Иннокентий*» [Иосиф Дубровинский], 2)

¹² [Опускаем начало циркуляра, заключающее в себе краткие характеристики течений «отзовистов» и «ликвидаторов», уже имеющиеся в ц. от 30 января 1910 г.]

«Игорь» [он же «Днепровский» – Гольдман Борис], 3) «Тышко» [Иогихес], 4) «Павел Васильевич», латыш [не установлен] и 5) «Ионов» [Койген].

5) Объединение всех заграничных пунктов с отдачей всех средств в ЦК.

6) Избран состав редакции Центр. Органа партии соц.-демократов из 5 лиц – 2 большевика, 2 меньшевика и 1 поляк; поименный состав редакторов: «Ленин» [Ульянов], «Григорий» [Радомысльский], «Мартов» [Цедербаум], «Дан» [Гурвич] и Барский [Варшавский].

7) Орган меньшевиков «Голос Соц.-Демократа», как фракционный орган, признано необходимым закрыть.

8) Принято решение субсидировать газету «Правда» – орган Украинского Союза «Спилка», но с введением в редакцию этого органа в качестве соредактора большевика Каменева.

9) Утверждена литературная группа «богдановцев» «Вперед», но с пожеланием скорейшего ее закрытия.

10) Принято решение о создании в Париже «партийной школы», в которую войдут директорами: 2 большевика из «ленинцев», 2 большевика из «богдановцев», 2 меньшевика, 2 поляка, 1 бундовец и 1 латыш.

11) Постановлено издавать при центр. органе партии периодически сборники, в которые будут помещаться статьи полемическо-дискуссионного характера представителей разных партийных течений и национальностей.

Независимо от изложенных решений, на тех же заседаниях выработан след. план строения местных с.-д. организаций в России: в «легальных» организациях на местах будут устроены «группы», а в нелегальных «ячейки», и затем представители «групп» и «ячеек» создадут руководящие центры, существовавшие же до сего времени в России фракционные организации РСДРП должны будут слиться.

Кроме сего, на тех же пленарных заседаниях предположен созыв в России целого ряда местных конференций, а затем решено на предстоящую Всероссийскую конференцию членов РСДРП пригласить и «легалистов».

Сообщая об изложенном, ДП просит обратить особое внимание на совершившееся объединение существовавших в РСДРП до сего времени в разрозненном виде фракций и групп и в случае устройства в местности, вверенной Вашему наблюдению, конференций членов соц.-дем. организаций или собраний для выборов делегатов на Общероссийскую Конференцию арестовывать участников таковых и о результатах доносить Департаменту.

[Дело № 18 в 1910 г. Агент. Отдела б. МОО.]

[Опасения ДП, что отныне он будет иметь дело с единой соц.-демократической партией, не оправдались: постановления пленарных заседаний не восстановили единства партии, не удовлетворив ни меньшевиков-голосовцев, ни большевиков-отзовистов. Межфракционная борьба после заседаний пленума разгорелась с новой силой. Об этом рассказывает ц. Д-та Пол. № 108875 от 3 апреля 1910 г.]

¹³По полученным в настоящее время в Д-те Полиции сведениям, по закрытии пленарных заседаний внутрипартийное брожение тотчас же воскресло вновь, начавшись со стороны меньшевиков. Причины, послужившие основанием к возникновению нового брожения, кроются в закулисной стороне последних пленарных заседаний, а именно: меньшевики, решив принять участие в пленарных заседаниях, задались целью: 1) уничтожить большевистскую организацию в партии, «большевистский центр», бывший до сего времени фактическим Центральным Комитетом партии, 2) отобрать у большевиков партийные деньги, 3)

¹³ [Начало циркуляра, излагающее содержание циркуляра от 10 февраля за № 106547, опускаем.]

удалить членов Центр. Комитета из сферы воздействия «расширенной редакции «Пролетария» и устроить перевод их в пределы России; большевики же, с своей стороны, ставили своей задачей, ведя борьбу за упрочение партии под флагом борьбы с ликвидаторством, подвести под понятие ликвидаторов меньшевиков «Голоса Социал-Демократа» и, выкидывая «ликвидаторов», выкинуть и так называемых «голосистов».

Из сущности принятых на пленке решений можно подметить, что меньшевики фактически осуществили свои стремления, большевики же удержали свое большинство двумя голосами лишь в редакции Центрального органа (2 большевика, 2 меньшевика и 1 поляк) и принуждены были уступить меньшевикам по следующим причинам: 1) потеря большевиками «отзовистов», постоянно голосующих с меньшевиками, и большевиков, находящихся в России, проникнувших значением и важностью «легальных возможностей» и идущих по многим вопросам правее меньшевиков, 2) ряд скандальных разоблачений (уголовного характера) «Большевистского центра» (расширенной редакции «Пролетария»), 3) картина полного распада старых подпольных организаций и 4) появление открытых и полукрытых организаций пролетариата (думская фракция, профессиональные союзы, клубы и проч.), находящихся под большим влиянием меньшевиков, как почти исключительно работающих этих организациях. Но вместе с тем надлежит отметить и то обстоятельство, что большевики, делая уступки в партийных вопросах по необходимости меньшевикам, рассчитывали в конце концов или действительно создать партийное единство, превратить «фракцию» в «течение», или же в противном случае отобрать обратно все свои уступки и восстановить свои фракционные учреждения.

Возобновившийся партийный раскол выразился уже фактически в следующем:

1) Тотчас же по закрытии пленарных заседаний редакция «Голоса Социал-Демократа» выпустила «Письмо к товарищам» за подписью «Дана», «Мартынова», «Мартова» и «Аксельрода», в котором, доказывая, что: а) фракционно кружковые традиции партии еще не изжиты, б) условия для установления полного партийного единства еще не созданы, в) для создания этих условий требуется немало работы и г) центральный орган этой задачи пока еще не выполняет, объявила, что издание «Голоса Соц.-Демократа» будет продолжаться.

2) Затем в № 19–20 газеты «Голос Соц.-Демократа» в целом ряде статей проведена мысль о выступлении против принятых на пленуме решений, о равноправии и «нейтрализации» «течений» и о подчинении партии «ликвидаторов».

3) Наконец, на сделанное Центральным Комитетом предложение 3 меньшевикам вступить в число членов Центр. Комитета последние ответили, что они считают решения пленума не только вредными, но находят вредным самое существование Центр. Комитета, а потому отказываются явиться даже на одно заседание для кооптации. Приведенные факты вызвали со стороны редакции центрального органа «Соц.-Демократ» выпуск объявления, в котором редакция, порицая описанные действия меньшевиков и считая, что содержание № 19–20 «Голоса Соц.-Демократа» и «раскольнический манифест» четырех редакторов «Голоса» «К товарищам» есть прямая агитация 1) за фракционный орган против единства и объединения за границей, 2) в защиту явного ликвидаторства и 3) в защиту прямых противников самого существования РСДРП, призывает встать на защиту партии.

[Группа отзовистов с своей стороны выступила против Цент. Ком. с воззванием, представляющим собою, в сущности, обвинительный акт. Воззвание это в полном виде рассылалось Деп-том Пол. при циркуляре № 110158 от 4 мая 1910 г.]

Рос. Соц.-Дем. Раб. Партия.

К товарищам большевикам

Товарищи! Вам, вероятно, уже известно принятое и оглашенное Центр. Комитетом заявление Большевистского Центра о том, что «Больш. Центр» признается распущенным, «Пролетарий» закрывается, большевистские деньги передаются ЦК, и большевизм, как организованное идейное течение, объявлен несуществующим. Но многим из вас, наверное, неизвестна скрытая подкладка, а с нею и действительный смысл этих важных фактов. Такова причина, побуждающая нас выступить с нынешним обращением. Большевики, учредившие на Лондонском съезде большевистский центр, смотрели на него как на организацию, которая, с одной стороны, выражает основные идеи революционного крыла партии, развивая их печатно, с другой, объединяет различные большевистские группы, разбросанные по России, и заведует, под их контролем, материальными средствами большевиков.

В этих задачах исчерпывалось все назначение большев. центра; его права не подлежали спору, пока он выполнял их, его права кончались с того момента, как он переставал служить какой-либо из них. Так понимали смысл БЦ все большевики. Но что происходило на деле? Нечто противоположное: сдача большевистским центром всех большевистских позиций, одна за другою; подотчетное заведование материальными средствами превратилось в бесконтрольное хозяйничанье безответственных лиц; и, наконец, эта группа лиц, ставших уже идейно меньшевиками, сочла себя вправе распустить большевистскую фракцию. Вы знаете, в чем заключаются основные политические идеи большевизма, отличающие его от остальных течений нашей партии. Большевики всегда полагали, что соц.-демократия должна быть сплоченной и стройной организацией сознательного активного авангарда рабочего класса, отнюдь не растворяющейся среди элементов малосознательных или недостаточно склонных к революционной борьбе.

Большевики отстаивают строгую независимость социал-демократии во всей ее политике от других классов и партий, большевики считают, что российская демократическая революция, донныне еще не завершенная, может быть доведена до конца и дать наибольшие выгоды для пролетариата и для развития страны лишь в том случае, если руководство всей революционной борьбой народа будет находиться в руках рабочего класса и соц.-демократии. Исходя из этого, большевики находят, что впредь до завершения революции все легальные и полулегальные пути борьбы, в том числе и участие в Гос. Думах, пути, на которых возможность руководящей роли для пролетариата ограничена и стеснена внешними, не от него зависящими условиями, не могут иметь самостоятельного и решающего значения, но подчиненное в ряду иных средств, а именно: они должны служить лишь для собирания и подготовки сил к открыто революционной, непосредственно массовой борьбе.

Теперь посмотрим, товарищи, что сделал с этими идеями «Большевистский центр». По мере того как сгущались сумерки реакции, «Пролетарий» все больше и больше проникался мыслью, что действительное и лучшее средство рассеять их – это наладить агитацию в стенах Таврического Дворца. Затем постепенно сюда присоединилась столь же преувеличенная оценка других «легальных возможностей», пока наконец они не стали в глазах «Большевист. Центра» и его сторонников почти единственной точкой приложения пролетарских сил. Правда, нелегальная партия прямо не отрицалась, и на страницах «Пролетария» велась даже резкая полемика против «ликвидаторских» стремлений меньшевизма. Но это были только слова: на деле насущнейшие вопросы организации, пропаганды, агитации, столь бесконечно важные для практической революционной работы, уходили куда-то вдаль, исчезали в море рассуждений, исходною точкой которых был кулак русского полицейского, а венцом – третья Дума. «Как нам стать мощной нелегальной партией вопреки осадной конституции?» – таков был вопрос, задаваемый революционными с.-д. их идейным руководителям. Сумейте при-

способить себя самих к ней, всю свою работу и свою партию – к ее возможностям – таков был ответ теоретиков БЦ. Они фактически хоронили нелегальную партию и в то же время утверждали, что отстаивают ее интересы. Происходил несомненный подмен всех тактических взглядов большевизма: задачи революционной борьбы вытеснялись «легальными возможностями», а затем было отброшено и старое революционное понимание партийной организации. «Пролетарий» стал открыто добиваться того, чтобы партийным элементам легальных союзов было предоставлено участие в решении партийных дел; в № 50 был предложен проект обновления партии при помощи такой конференции, на которую были бы приглашены также представители групп, ушедших под гнетом реакций из партийных организаций, но не отказывающихся вновь связаться с ними, – ухудшенное издание меньшевистского рабочего союза.

Официальные руководители по всей линии отрекались от большевистских традиций. Но сделали ли они хоть малейшую попытку узнать мнение всей фракции и сказать ей ясно и прямо, что ей нет больше смысла существовать? На это дает красноречивый ответ отношение БЦ к большевистской конференции. В то время как русские организации неоднократно и категорически требовали созыва большевистской конференции, БЦ употребил все усилия, чтобы ее не допустить. Эти усилия не могли не увенчаться успехом по той простой причине, что все материальные средства были в его руках. С другой стороны, до самой последней минуты БЦ отстаивал в «Пролетарии» формальное существование фракции, в которую больше не верил, которую готовился распустить. Таким образом, фракции не давали возможности определить свои идейные позиции, а возникавшие в ней подозрения старались успокоить посредством словесных громов против тех самых меньшевиков, с которыми тогда уже велись за кулисами практические переговоры. Фальсифицировались многие организации, и дело доходило даже до фальсификации документов, уже разоблачавшейся в партийной печати.

Это не было простое изменение взглядов. Это был совершенно сознательный обман, направленный против всего большевистского течения в его целом, из всех видов политиканства наиболее позорный, ибо наиболее трусливый. Он отравлял мысль фракции, так как сознательно перемешивал все карты; он отравлял ее волю, так как, намеренно искажая положение вещей, не позволял фракции предпринять ни одного решительного шага как раз тогда, когда это было всего более необходимо. Мы напомним товарищам, каково было положение вещей накануне того «объединения», которое так скоро обнаружило свою призрачность. БЦ, изменившийся в своем составе – большинство его сумело избавиться от «неудобных членов», отказавшихся покинуть позицию большевизма, – совершенно отрезанный от России, стал, по существу, тайным кружком бывших большевиков и окончательно перестал считаться с мнениями и настроениями русских организаций. Их попытки повлиять на его решения встречали то простую канцелярскую отписку, то прямую насмешку. Поскольку же ему надо было воздействовать на общественное мнение партии, он старался делать это путем денежной зависимости, в которую он ставил как отдельных членов партии, так и целые организации, большевистские и не только большевистские. За последние два года не дано было организациям ни одного денежного отчета, истрачены были сотни тысяч. Попытки некоторых организаций установить постоянный контроль над принадлежащими им суммами встретили со стороны БЦ энергичный отпор и потерпели полное крушение. Таким образом, и в идейном, и в материальном, и в организационном смысле БЦ стал бесконтрольным вершителем большевистских дел, поскольку они зависели от заграницы. Другой отличительной чертой БЦ была его глубокая бездеятельность. Располагая огромными денежными средствами, он за все время своего заграничного существования не выпустил ни одной пропагандистской или агитационной брошюры, ни одного листка или прокламации; даже доставка «Пролетария» была организована до последней степени плохо. О других, не

литературных, предприятиях и говорить не приходится: поскольку инициатива их исходила от БЦ (группа соц.-дем. думской фракции), они не выходили из области благих пожеланий; поскольку они осуществлялись отдельными группами (партийная школа), они встречали с его стороны ожесточенную борьбу, отлучение, угрозы. БЦ выходил из своего оцепенения только тогда, когда ему нужно было кого-нибудь исключить, кому-нибудь зажать рот, разрушить или по крайней мере опорочить какое-либо начатое партийное дело. Боязнь потерять свое безответственное положение была движущей пружиной всей его деятельности. Итак, чем был БЦ к моменту «объединительного» постановления ЦК?

Во-первых, он был, по существу, меньшевистской группой и присваивал себе фирму большевизма из чисто дипломатических соображений. Во-вторых, он превратился в кружок частных лиц, не связанных ни идейно, ни организационно с русскими большевиками. В-третьих, материальными средствами, принадлежащими большевистской фракции, БЦ владел уже не по ее уполномочию и пользовался ими во вред этой фракции в узко кружковых интересах.

Но затем БЦ счел себя вправе совершить и последний шаг – официально ликвидировать фракцию, не спросив мнения ни одной из большевистских организаций, и передать ее материальные средства в ЦК, выговорив при этом себе крупную их долю – уже как частной группе литераторов. Цепь обманов была завершена таким актом, в котором соединились все меры лицемерия и узурпации: присвоение чужого имени («большевистский центр»), растрата чужого имущества, распускание чужой организации.

Нас уверяли, что этот шаг обозначает новую эпоху партийной жизни, на знамени которой стоят слова: партийное объединение, терпимость, устранение старых фракционных форм, укрепление нелегальной организации. Ради этих всем партийным работникам дорогих целей нам предлагали приветствовать постановление БЦ и ЦК как зарю партийного возрождения. Но разве эти цели могли быть достигнуты на основе лжи и обмана? Посмотрите, что оказалось на деле.

Терпимость проявилась в том, что в редакцию дискуссионного сборника был закрыт доступ представителям отзовизма, хотя был допущен личный делегат тов. Плеханова, как особого партийного течения. Устранение фракционных делений и укрепление нелегальной организации выразились в том, что Ц. Комитет отказался дать деньги на партийную школу, а его школьная организационная комиссия решила отнять у рабочих – слушателей школы право выбора лекторов и отвергла школьную автономию. И наконец, партийное объединение привело к тому, что после передачи большевистских денег третьему лицу меньшевики заявили, что они сохраняют свой орган («Г. С.-Д.») и не только не намерены уничтожить себя как фракцию, но даже отказываются вступить в «объединенный» ЦК, объявляя вредным самое его существование. Дело, значит, свелось к тому, что бывшие представители большевизма сдали меньшевикам политическую позицию как раз в тот момент, когда в партии меньшевизм был почти уже совершенно подорван фактическим крушением думских иллюзий и крайним сужением легальных возможностей. Меньшевики, уже не мечтавшие о победе своих взглядов, с изумлением приняли сдачу своих вчерашних победоносных противников. «Пролетарий» закрыт, но его «новые» идеи предлагаются со страниц Центрального Органа как официальное мнение партии. Безответственная группа бывших большевиков перекочевала в новое помещение и то, что делала раньше под флагом большевизма, будет делать отныне под флагом всей вообще партии. Эра партийного возрождения заключается, следовательно, в том, что если прежде кружок частных лиц дурачил отдельное партийное течение, то теперь, пополненный несколькими лицами, он будет дурачить всю партию в ее целом.

Впрочем, бывшие члены БЦ и теперь еще – на всякий случай, вероятно, – продолжают выступать перед партией под именем большевиков. Мы заявляем, что не хотим участвовать во всей этой панаме. Идейная организация, созданная ходом событий, выражающая стрем-

ления и мысли широких партийных кругов, не может умереть по приказу лиц, ничем не связанных с нею, кроме старых воспоминаний. Только самим организациям принадлежит право решать их судьбу. Только сами русские товарищи большевики, те рабочие социалисты, которые лицом к лицу борются с врагом, могут и должны сказать партии, действительно ли умерло ее революционное течение, или теперь, в период глухой реакции, подготовляющий новый взрыв народной борьбы, оно стало для пролетарского дела еще необходимее, чем когда-либо раньше. Огромную важность представляет также вопрос о материальных средствах для дальнейшей борьбы революционного крыла партии. Но здесь, товарищи, дело идет еще о гораздо большем, о вашем достоинстве и вашей чести, о том, кто вы – сознательные, уважающие себя революционеры или рабы, пассивно подчиняющиеся насилию.

Мы, группа «Вперед», предлагаем русским товарищам большевикам организовать в ближайшем будущем большевистские совещания в возможно полном составе и обсудить на них вопросы коренных жизненных вопросов большевизма. Мы, противники старых фракционных форм, будем отстаивать на этих совещаниях перестройку большевистской фракции на новых основаниях, так, чтобы ее идейная сплоченность достигалась не формальной централизацией, а живой идейной связью и чтобы те идейные центры, которые она для этого создает, находились под реальным контролем местных организаций. Это предотвратит возможность такого политиканского вырождения «верхов», таких злоупотреблений и разложения, свидетелями которых мы были. Идейное течение должно руководить своими вождями и представителями. Только решение местных большевистских организаций может считаться действительным решением вопроса. Пока оно не состоялось, постановление БЦ о роспуске фракций, передача денег в ЦК и т. д. никакой силы иметь не могут.

Товарищи, большевизм – это революционная дума русского рабочего движения. Сумейте отстоять его силу и его интересы.

Группа «Вперед».

[4 июля 1910 г. Д-т Пол. (точнее, «особый отдел» Д-та) рассылает подведомственным ему учреждениям и лицам циркуляр № 112613, носящий явные следы работы крупного «осведомителя», хорошо знакомого с положением дел в «верхах» партии. Здесь впервые персонально перечислены главные деятели борющихся соц.-дем. фракций.]

В Департаменте Полиции получены нижеследующие сведения о Центральном Комитете Российской Социал-Демократической Рабочей партии со времен Лондонского съезда 1907 г., о существующих в настоящее время течениях в означенной партии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.